

ЕВА
ТРЕЗОР

КЛЕТКА
Жена
МОНСТРА

Ева Трезор

Клетка. Жена монстра

«Литнет»

2025

Трезор Е.

Клетка. Жена монстра / Е. Трезор — «Литнет», 2025

Правила своей жизни пишу только я, а не наивные призраки прошлого. И плевать, что эта дерзкая девчонка скрывает за своими небесными глазами темные тайны. Я вытащу их наружу, чего бы мне это ни стоило. Ведь ее сердце – только мой трофей, и я его обязательно вскрою. Будет больно? Смертельно. Ад? Гореть будем дотла... Плевать на последствия. Доступен Буктрейлер во вкладке рядом.✓ Две непредсказуемые линии повествования, которые сойдутся в финале;✓ Персонажи, которые будут мучить ваше сердце своими противоречивыми поступками;✓ Сцены, после которых вам захочется перечитать их снова и снова (сексуальные, жестокие и непредсказуемые);✓ Осторожно: мат, но его использование необходимо для полного раскрытия персонажей. Можно, только осторожно - лицам с тонкой душевной организацией. Самостоятельное произведение. За предысторией – первая книга «Клетка из шелка и стали» Продолжения выкладываются дважды в неделю в 07:00 МСК, пн, чт.'•.,♡ Все самое интересное в телеграм-канале Eva_Tresor ♡,•'Ваши оценки очень вдохновляют автора. Вам не сложно, а для меня это мощный мотиватор.

© Трезор Е., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Мирон. Авария	5
Глава 2. Анжелика. Муж, которого я не выбирала.	8
Глава 3. Анжелика. Сделка с прошлым.	12
Глава 4. Мирон. Никос.	16
Глава 5. Анжелика. Бывший парень.	20
Глава 6. Мирон. Неожиданные перспективы	24
Глава 7. Анжелика. Квартира Гоши.	30
Глава 8. Анжелика. Переговоры	34
Визуалы.	39
Глава 9. Мирон. Интересный вариант	40
Глава 10. Анжелика. Последняя надежда.	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Глава 1. Мирон. Авария

Прошлое. Четыре года назад.

Чертовы идиоты.

Моя машина лежит вверх колесами.

Я вылетел с трассы из-за этих отморожков.

Так еще Анжелика висит вниз головой внутри.

Она без сознания, и это, пожалуй, самый дерьмовый сюрприз за последнее время. Пристегнута, спасибо хоть на этом. Кровь у нее на виске. Много крови.

Нужно ее отсюда вытащить. Аккуратно. Нельзя дергать.

Я пытаюсь вылезти из машины, но ремень заело. Ругаюсь про себя.

Освободившись, соображаю, что делать дальше.

Первым делом глушу машину. Кто знает, что там замкнуло после удара.

Анжелика. Проверяю пульс. Дышит.

Действую осторожно.

Перерезаю ремень безопасности. Ее тело обмякает у меня в руках. Подхватываю Анжелику на руки, стараясь не причинить вреда. Выношу из машины, укладываю на траву, как можно дальше.

– Анжелика! Слышишь меня? – слегка хлопаю ее по щекам. Никакой реакции.

Снова проверяю дыхание. Норм. Кровь нужно остановить. Снимаю рубашку и прижимаю к ране на виске.

– Только попробуй умереть, Анжи, – шепчу я, поглаживая ее по волосам.

И именно в этот момент появляются они. Ухмыляясь так, словно уже меня поймали.

Конечно. Без разборок не обойдется.

Это те самые, кто меня и подрезал. Заказ выполнен, теперь за гонораром? Смелее, парни...

– Ну что, золотой мальчик. Кончилась твоя поездка? – рычит один, уверенно размахивая битой, и мерзко лыбится.

У второго в руках нож – хочет казаться опасным.

– Не люблю, когда портят мои машины, – говорю им, стараясь придать голосу безразличие. Как будто меня волнует какая-то железяка, когда тут жизнь на кону. – Тем более, когда внутри такая красивая пассажирка. Это невежливо.

– Твои проблемы, богатей. Ты и твоя сучка должны сдохнуть, – отвечает второй. – Молись.

– Молиться? Да я даже не помню, как это делается... – они ржут и с интересом на меня поглядывают. – Даю вам один шанс ответить, кто вас отправил? Никос?

– Тебе это уже в любом случае не поможет, – рычит тот, что с битой.

Адреналин хлещет, заглушая боль от ушибов. Они не торопятся, оценивают мое состояние. Один правильный вывод они все же делают – сам я точно не сдохну.

– Раз вы настаиваете, давайте посмотрим, что из этого выйдет...

Ублюдки явно убеждены, что мне конец, поэтому ведут себя расслабленно, разглядывая кровь на моей роже.

Первый машет битой. Медленно. Не хочет напрягаться.

Уклоняюсь, перехватываю битку, выкручиваю ему руку. Хруст костей – люблю этот звук. Придурок воет от боли и падает на землю.

Второй налетает с ножом. Быстрее, но все равно недостаточно. Отбиваю удар, перехватываю его руку, выбиваю нож. Бью ногой в живот. Он складывается пополам.

– Ну что, ребята, хватит? – спрашиваю, глядя на них сверху вниз. – Или хотите продолжения банкета? Признаюсь, сегодня я дерусь хуже обычного. Башка раскалывается, и я бы лучше принял таблетку, чем вас разьебывал.

Они лежат, корчась от боли. Отлично. Значит, понимают. По крайней мере, сейчас.

– Свалите на хер. Ах да, передайте Никосу, что я готов поговорить, – добавляю, и они ковыляют прочь, поддерживая друг друга.

Жаль, что нельзя их прикончить. Слишком много свидетелей.

Приедет полиция и будут вопросы.

Они садятся в свою тачку и сваливают.

Теперь Анжелика. Снова давящая тревога. Ненавижу это паскудное ощущение! Страх.

Бегу к дороге. Останавливаю проезжающую машину. За рулем молодая женщина. Она в шоке.

– Срочно нужна скорая! – кричу я.

– Господи! Что случилось? – Она смотрит на меня так, будто я только что вылез из ада.

– Скорую вызови! Быстро! – рявкаю со злости.

Ждать. Самое мучительное. Возвращаюсь к Анжелике. Сажусь рядом, беру ее руку в свою.

Смотрю на бледное лицо, на эту нежную, упрямую девушку. И впервые за долгое время чувствую что-то похожее на страх. Страх потерять ее.

Я, конечно, могу строить из себя бессмертного плохого парня, но без нее все это — просто пустота.

– Анжи, – шепчу я, ожидая хоть какую-то реакцию. Мимо. – Анжелика.

Проходит совсем немного времени, как сирены скорой помощи звучат вдалеке. Они едут. Они помогут.

Белые стены, едкий запах хлорки, тишина, давящая на мои больные мозги. Я сижу на проклятом диване уже, кажется, целую вечность. «Реанимация» – табличка над дверью, за которую увезли мою девочку, и я понятия не имею, что с ней там происходит. Чувствую себя паршиво, как никогда раньше. И это, черт возьми, меня бесит.

В голове крутятся обрывки воспоминаний: долбанная авария, эти идиоты, ее бледное лицо... Хочется разнести здесь все к чертям.

Никос, мать его... не поверил мне, перестраховаться решил? Ну-ну, это так просто тебе с рук не сойдет, кусок дерьма.

Наконец, появляется врач. Уставший, с потухшим взглядом. Знаю я этих ребят. У них каждый день – как маленькая война.

– Вы родственник? – спрашивает он.

– Я ее муж, – отвечаю ему, стараясь не выдать внезапно возникшую дрожь в голосе. – Говори. Только не тяни, говори, как есть.

– Состояние стабильное, – говорит он, и меня, как будто, окатывает ледяной водой. – Сотрясение мозга средней степени тяжести, пара синяков. Кости целы. Жизни ничего не угрожает.

Выдыхаю.

– Ей нужен покой. Пока что пациентка спит. Приходите завтра, – говорит врач и собирается уходить, но я резко придерживаю его за плечо.

– погоди. Завтра вечером ее заберу, – сую ему пачку денег в халат и настойчиво смотрю в глаза. – Никого к ней не пускать.

– Настоятельно не рекомендую забирать пациента, но... – он хлопает по карману, – если вы настаиваете, подпишите документы, что берете на себя ответственность. Завтра возьмете их со стойки регистратуры.

Завтра. Черт, придется ждать. Ладно, это лучше, чем ничего. Главное, она жива. И с ней все будет в порядке.

Молча выхожу из здания, от запаха хлорки и медикаментов уже чешется нос.

На улице меня встречает прохладный ночной воздух. Достая сигарету и закуриваю. Наслаждаюсь первой затяжкой и выпускаю дым в ночное небо. Никотин немного успокаивает. Но злость никуда не уходит. Я не намерен это так оставить. Они заплатят. И дорого... Господи, надеюсь, они не знают, что такое настоящий ад. Потому что я им его устрою.

Глава 2. Анжелика. Муж, которого я не выбирала.

Прошлое. Четыре года назад.

Ощущение, будто кто-то забил в череп гвозди и теперь ворочает их там.

Мерзкий привкус крови во рту.

Где я, черт возьми?

Белые стены, запах лекарств. Больница. Пытаюсь пошевелиться, но тело отзывается ноющей болью. Что произошло?

Обрывки воспоминаний всплывают в сознании, словно пузырьки воздуха из глубины: машина, дорога, удар... Авария. Точно! Кто-то намеренно в нас врезался на большой машине...

Пытаюсь сесть, но пол под ногами качается. Тошнота подкатывает к горлу. Держусь за край кровати, чтобы не упасть.

Еще какое-то время я просто сижу на месте, вцепившись пальцами в кровать. Наверное, я резко вскочила, поэтому мне хреново.

Где Мирон? Он был рядом. Он...

Паника начинает захлестывать меня с головой. Я больше ничего не помню.

С трудом поднимаюсь. Ноги ватные, голова кружится. Каждый шаг отдает болью в висках.

Добираюсь до окна. За ним – ночной город, холодные огни.

Как далеко я от дома? Где я вообще?!

Тянусь к ручке, чтобы открыть окно, вдохнуть свежего воздуха, но тут в палату входит врач.

– Вам нельзя вставать, милочка, – говорит она, подходя ко мне. – Вы еще очень слабы.

Она придерживает меня под локоть и возвращает обратно к кровати.

– Что со мной произошло? – спрашиваю, с трудом сдерживая дрожь в голосе.

– У вас сотрясение мозга. Синяки и ссадины. Но ничего критичного. Вам повезло, – отвечает она с сарказмом. – Вам нужно провести здесь хотя бы неделю под наблюдением, чтобы мы были уверены, что у вас все в порядке.

Неделю? Блин...

– Нет, я в порядке. Я хочу уйти, – твердо говорю я.

– Это невозможно. Вам нужен покой и медицинский уход, – возражает врач. – Оставайтесь хотя бы на несколько дней. Завтра мы посмотрим, как вы себя чувствуете.

– Хорошо, наверное, вы правы. Я останусь на пару дней, – я прикладываю ладонь к горячему лбу.

Дверь распаивается.

В палату влетает Мирон.

– Простите, я немного опоздал, – говорит он, одаривая меня своей фирменной усмешкой. – Привет, Анжи. Выпалась?

– Мирон? – удивляюсь, потому что не ожидала его увидеть, но, кажется, я рада, что он не пострадал после аварии. По крайней мере, выглядит явно лучше, чем я.

Он поворачивается к врачу и смотрит на нее с самой убийственной ухмылкой, от которой у меня всегда мурашки по коже.

– Надеюсь, вы ей объяснили, что с ней все в порядке? – спрашивает он, второпях забирая со столика таблетки и запихивая их в карманы куртки, будто это не лекарства, а конфеты.

Врач явно смущена таким внезапным вторжением.

– Я объяснила, что пациентке нужно остаться под наблюдением. Сотрясение мозга – не шуточки вам.

– Это и дома можно вылечить. Анжелика, мы уходим, – говорит Мирон, даже не спрашивая моего мнения.

– Мирон, подожди! Мне нужно остаться, я не хочу осложнений! – возражаю я.

Голова все еще кружится, и я чувствую себя разбитой, машинально дотрагиваюсь до висков, стараясь унять головную боль.

– Анжелика, не спорь. Я сказал, мы уходим, – отрезает он.

И, не обращая внимания на мои протесты и возмущения врача, он подхватывает меня на руки, словно пушинку, и выносит из палаты.

– Вы с ума сошли! Вы не имеете права забирать пациента! – кричит нам вслед женщина, но Мирон только ускоряет шаг.

Я пытаюсь вырваться, но сил нет.

Он выносит меня из больницы и направляется к шикарной машине, припаркованной у входа. Не помню, чтобы видела ее раньше.

– Что это? – спрашиваю я, рассматривая элегантные линии нового темно-синего «Lamborghini».

– Моя ласточка слишком пострадала в аварии, – недовольно отвечает Мирон, открывая дверцу. – Не волнуйся, она ничуть не хуже. Даже лучше. Поехали, тебя ждет горячая ванна и мягкая постель.

Он усаживает меня в машину, пристегивает ремень безопасности и заводит двигатель. Звук мотора, как музыка.

– Мирон, ты с ума сошел... Мне нужно остаться в больнице, – предпринимаю последнюю попытку протестовать, но он игнорирует меня.

– Я позабочусь о тебе лучше, чем они, – отвечает он, глядя мне в глаза. И в этот момент я почему-то верю ему.

Мирон выезжает с территории больницы и направляется в сторону дома. Я откидываюсь на спинку сиденья, закрываю глаза и позволяю себе расслабиться. Рядом с этим психом я почему-то чувствую себя в безопасности.

Всю дорогу мы молчим. Я дремлю, ощущая, как пульсирующая боль в висках немного отступает.

Наконец, мы приезжаем к нашему дому. Мирон снова берет меня на руки и несет в спальню.

– Анжелика, как ты? – выходит в коридор Андрей Игоревич, отец Мирона.

– Кажется, что вселенная решила расплющить мой мозг, – едва успеваю ответить, как Мирон уносит меня на второй этаж, игнорируя отца. Похоже, опять разругались...

– Отдыхай, – шепчет Мирон, опуская меня на кровать.

– Кто это сделал? – нерешительно смотрю ему в глаза.

– Кто-то нехороший, – нехотя отвечает он, замерев возле двери.

Прекрасно знаю, что он не скажет мне ровным счетом ничего. Но, подозреваю, что это Никос. От этой мысли я снова нервничаю и слезы подкатывают к глазам.

– Мирон, пожалуйста. Скажи...

– Отдыхай, Анжелика, здесь тебя никто не тронет, – отвечает, как обычно, привычным стальным голосом.

Мирон выходит, так и не дав мне хоть какой-нибудь внятный ответ.

Я проваливаюсь в сон и, кажется, это мне действительно было необходимо.

Утром я предпринимаю неоднократные попытки подняться с кровати, но голова все еще кружится.

– Если бы не Мирон, ты бы не оказалась в такой ситуации, – возмущенно говорит Лена по видеосвязи.

– Небось летел, как придурок, на своей скоростной машине! – влезает Катя и жует пирожное. Она всегда что-то жует, когда нервничает.

– Нет, было совсем не так. Мы ехали не на скорости.

– А что же тогда приключилось?! – не понимает Ленка и приближается ближе к камере.

– Есть два варианта: либо ты Мирона покрываешь, либо врешь и не хочешь говорить о чем-то еще. Вот печенкой чувствую, Лика! – округляет глаза Катя.

Я замираю, будто пытаюсь вспомнить.

– Авария... в нас кто-то врезался, летел по встречке. Выруливать было некуда...

– Катя, перед аварией ты сказала, что знаешь, где Гоша! Где он? – наконец задаю вопрос, который крутится в голове.

Катя помалкивает.

– Ой, да скажи ей, – лениво произносит Ленка.

– Хорошо. Только потому что тебе нервничать нельзя. Он приезжал навестить мать, и я увидела его в инвалидной коляске возле ее дома. Она только вышла из клиники для этих, ну... алкашей. Ей плохо стало и скорая увезла.

– Он в городе?! Где он? – подсказываю на кровати, ощущая, как подкатывает тошнота.

– В городе. Получается, но он сделал вид, что не знает меня. А я с ним в хороших дружеских отношениях, Лика, – Катя строит невинные глазки.

– Я бы на твоём месте, Анжелика, пыталась сессию закрыть. Ты пропустила два экзамена. Ректорша, конечно, даст тебе возможность сдать, ты же на особых условиях после всего, но ты херово готова, – говорит Ленка.

– Это меня меньше всего волнует, – как-то на автомате отвечаю я. – Мне надо навестить его мать.

– Началось... Лика, Мирон убьет тебя. Если Гоша с тобой не связался, то все. Ему это не нужно! – Катя возмущенно сверкает глазами.

Она, безусловно, права.

Я понимаю, что это безумие.

Но мне нужно его увидеть.

Меня гложет ненасытное чувство вины, недосказанности... Все, словно написано по испещренному грязными чернилами черновику, который никогда не должен был стать сценарием моей жизни. И я хочу выяснить правду.

Мысли скачут. Одна невероятнее другой.

Неужели Гоша уже выписался из клиники? Он действительно решил забыть про меня?! Нет, все не так просто, я уверена.

– Лика, забей, прошу тебя. Гоша написал тебе чертову прощальную записку. Он не хочет больше быть с тобой после всего, что произошло! – продолжает отговаривать меня Лена.

– Я должна с ним встретиться, я так не могу. Это нужно мне!

– Вот дура, – Ленка звучно шлепает ладонью себе в лоб. – Ты спятила? Мирон реально тебя убьет! Он теперь твой муж! И не будем забывать, какой он хладнокровный и жестокий мудака.

Ленка вне себя от злости.

– Откуда ты знаешь, что он мой муж? – спрашиваю я.

– Все знают. Это не столь важно, откуда я или кто-то еще знает, что вы официально вместе. Важно то, что это меняет в корне дело. Нельзя, Лика, бегать за бывшим, когда ты замужем за... Мироним.

– Это брак по расчету, – выдыхаю я. – Всего лишь, чтобы в бизнес моего покойного отца и Андрея Игоревича не смог никто посторонний влезть.

Наступает пауза, они хотят поднять эту тему, но боятся, что я буду против. А я против!

– Созвонимся позже, мне пора идти, – сердито обрываю я.

– Оки, пока. Только глупости не делай.

– Пока, Лика, поправляйся, – грустно улыбается Катя.

Завершаю звонок, вскакиваю с кровати и... моментально об этом жалею – голова взрывается фейерверком боли. В глазах темнеет, и я, хватаясь за воздух, падаю обратно на подушки.

Потолок кружится, комната плывет перед глазами, как в тумане. Зажмуриваюсь, стараясь унять тошноту, но становится только хуже.

Стискиваю зубы, чтобы не застонать. Нельзя двигаться, нужно просто переждать.

Но лежать тоже тяжело. Медленно, осторожно открываю глаза. Потолок больше не кружится, но все еще двоится. В ушах звенит.

Сглатываю. Сухость во рту никуда не делась. Хочется пить. Подхожу к графину и наливаю воды в стакан. Уже гораздо легче. Отправляюсь в кровать.

Ставлю таймер – десять минут.

Снова пытаюсь сесть. На этот раз медленнее, аккуратнее.

Через несколько минут становится немного легче. Решаюсь встать.

Опираюсь на кровать, делаю шаг... и снова мир вокруг меня начинает кружиться. Спотыкаюсь, теряю равновесие и громко падаю на пол.

В этот раз удар приходится на плечо. Боль пронзает все тело. Застонав, лежу на полу, не в силах пошевелиться.

Да что ж такое-то? Неужели я не могу даже встать?!

Я смогу. Черта с два я буду тут лежать!

Собираю все свои силы и медленно, с трудом поднимаюсь на ноги. Опираясь на стену,ковыляю к двери.

Нужно выбраться отсюда. Гоша здесь, он уже не в больнице, едва не плачу от счастья. Эта мысль действует на меня отрезвляюще и придает силы. Сердце бьется в груди, как сумасшедшее.

Выхожу в коридор и оглядываюсь по сторонам. Тишина.

Делаю еще один шаг. И еще один. Голова все еще кружится, но я продолжаю идти.

И в этот момент со стороны лестницы появляется его фигура.

Глава 3. Анжелика. Сделка с прошлым.

Настоящее.

Я давно перестала читать новости. После всего, что произошло четыре года назад. Мне удалось вступить в наследство и занять свое место в бизнесе моего покойного отца и его друга, Андрея Игоревича Романова.

Я живу в небольшом доме на окраине Москвы. За садом следит садовник, уборку делает клининг-контора. Да кого я обманываю – я просто лентяйка.

Переодеваюсь в спортивную форму и спускаюсь к гаражу за велосипедом. Погода выдалась чудесной, поэтому я хочу провести время наедине с собой. Телефон начинает вибрировать. Андрей Игоревич. Он звонит третий раз подряд.

– Анжелика, надо подъехать в офис, – немедленно сообщает он, едва я успеваю принять вызов.

– Андрей Игоревич, это срочно? Я сейчас занята, – начинаю съезжать с темы я, но подозреваю, что у меня нет выбора.

– Анжелика, – строго произносит он. – Я разве просто так звоню, чтобы пригласить тебя на чашку кофе? У нас важная встреча с новыми партнерами, если сделка состоится, тебе придется подписать документы. Или мне напомнить тебе, кто здесь подписывает документы?

– Я буду в течение часа.

– Очень жду, – надменно отвечает он и завершает вызов.

– Черт! – ругаюсь я, загоняя велосипед обратно в гараж.

Надеваю офисный костюм: юбку, жакет, блузку. Сажусь в отцовский BMW. Кажется, салон до сих пор пахнет его парфюмом. Эти нотки вызывают во мне особенную ностальгию. Надо бы взять бабушку и навестить его могилу.

Через тридцать минут подъезжаю к высокому офисному зданию, неохотно прохожу в зал для проведения конференций.

Открываю дверь переговорной – только представители нашей компании во главе с Андреем Игоревичем.

– Добрый день.

Они вежливо приветствуют меня, и я сажусь рядом с Романовым старшим, продолжая скучать.

Спустя час ничего не происходит. Иностранные партнеры опаздывают.

Сегодня обсуждается важная сделка – контракт с компанией, которой мы собираемся делегировать часть полномочий в сделках с Ближним Востоком.

Андрей Игоревич нервно теребит галстук, поглядывая на часы. Я стараюсь сохранять невозмутимость, но внутри все кипит. От волнения ладони становятся влажными. Можно было провести время с пользой, а не это все.

Андрей Игоревич говорит, что непунктуальность — плохой знак. Особенно в бизнесе.

Наконец, двери открываются, и в зал входят они. Во главе делегации – солидный мужчина в строгом костюме, его сопровождают несколько человек с серьезными лицами.

Сердце замирает.

И среди них – Гоша.

Здесь? После всего, что произошло? Не может быть! Это какая-то ошибка. Я таращу глаза на него, как будто я невменяемая, забывая, как делать вдох.

Но это он. Неизменившийся, разве что взгляд стал жестче, осанка — увереннее. Исчезли очки.

Четыре года... Четыре года, как он исчез из моей жизни. После той страшной ночи, после больницы, после комы, после моих не увенчавшихся успехом поисков... Я думала, что никогда его не увижу!

Воспоминания бьют резко, как удар. Наша любовь, наша юность, наши мечты... Все это было разрушено в одно мгновение Мироном и его друзьями.

Стараюсь взять себя в руки, делаю глубокий вдох.

Нельзя показывать свои эмоции. Сейчас я должна быть профессионалом.

Гоша, кажется, замечает меня. Наши взгляды пересекаются и на мгновение мы замираем.

Андрей Игоревич приветствует гостей сдержанно-учливой улыбкой.

— Добро пожаловать, господа, — говорит он, пожимая руки. — Мы рады видеть вас. Лучше поздно, чем никогда.

Он язвит и, надо признать, заслуженно.

— Разрешите представить вам моего коллегу, Георгия Иванова, — говорит глава делегации устами одного из наших штатных переводчиков, представляя Гошу. — Он будет вести переговоры, представляя нашу компанию.

Андрей Игоревич кивает, протягивает руку Гоше.

— Рад познакомиться, Георгий, — говорит он.

— Взаимно, Андрей Игоревич, — отвечает Гоша, пожимая ему руку. Его голос звучит уверенно и спокойно, но по моей спине пробегают мурашки несколькими волнами подряд.

Начинается обсуждение условий контракта.

Гоша искусно ведет переговоры. Его аргументы логичны и убедительны. Он прекрасно разбирается в тонкостях восточного рынка. Андрей Игоревич слушает с вниманием и уважением, иногда делает заметки в своем блокноте.

— Уважаемые партнеры, позвольте мне высказать свое видение ситуации, — говорит Гоша, обращаясь к Андрею Игоревичу. — Мы высоко ценим вашу компанию и многолетний опыт в сфере торговли со странами Востока. Но мы считаем, что для достижения максимальной эффективности необходимо разделить сферы влияния.

Глаза Андрея Игоревича загораются.

— В этом соль нашей беседы, — уточняет он.

— Я предлагаю вам доверить нам часть полномочий, связанных с логистикой и таможенным оформлением грузов, — отвечает Гоша. — Мы имеем налаженные связи в регионах и можем гарантировать бесперебойную поставку товаров по самым выгодным ценам.

Андрей Игоревич молчит, обдумывая его слова. Вижу, что он заинтересован. Предложение Гоши действительно выглядит привлекательным.

— И каковы ваши условия? — спрашивает Андрей Игоревич.

Гоша предлагает вполне разумный процент от прибыли в обмен на логистические услуги.

Андрей Игоревич снова хмурится.

— Нам нужно время, чтобы обдумать ваше предложение, — говорит он.

— Безусловно, — отвечает Гоша. — Мы готовы подождать.

Переговоры заканчиваются. Гости уходят, оставляя совет директоров в задумчивости.

Гоша даже не взглянул на меня, когда уходил. Возможно, все-таки не узнал?!

Но я помню его первый взгляд.

После переговоров, растерянная и смущенная, я выскальзываю из здания и направляюсь к ближайшему кафе за самым крепким кофе.

Мне нужен был воздух, нужна была возможность хоть на секунду вырваться из этого душного зала, где прошлое внезапно стало реальным.

Заказываю чашку эспрессо и выхожу на улицу. Сажусь за столик на террасе и делаю глоток. Горький вкус немного отрезвляет.

Но облегчение длится недолго. Чувствую, как кто-то садится напротив. Поднимаю глаза — Гоша.

— Можно? — спрашивает он, глядя на меня с улыбкой.

— Ты же знаешь, что нельзя, — отвечаю я, отводя взгляд.

— Но я все равно сел, — говорит он, приближаясь ко мне. — Мне нужно с тобой поговорить, Анжелика.

Он произнес мое имя, и я едва не роняю кружку из рук.

— Нам не о чем говорить, — отвечаю я, стараясь не смотреть на него.

— Есть, о чем, — возражает Гоша. — О прошлом. О настоящем. О будущем.

— Не смей меня, — хмыкаю я. — У нас нет никакого будущего.

— Не зарекайся, — отвечает Гоша, протягивая руку и поправляя прядь моих волос.

Вздрагиваю от его наглого прикосновения. Оно смущает меня, навевая какое-то непонятное давно забытое ощущение.

— Не трогай меня, — говорю я, отстраняясь.

— Почему? — спрашивает Гоша, наклоняясь ко мне. — Разве ты не чувствуешь ничего?

— Не чувствую, — вру я.

— Врешь, — шепчет Гоша, приближаясь к моим губам. — Я вижу это в твоих глазах.

— Нет, я переболела. Я искала встречи с тобой очень долго, но ты сам отстранился, не захотел.

— М-м-м... — тянет он.

— Уходи, — я настаиваю на своем и поднимаюсь из-за стола.

Он дотрагивается до моего плеча. Взгляд пронзительный и властный.

Зажмуриваюсь, когда ладони уже лежат на моей талии.

— Я скучал по тебе, Анжелика, — шепчет он, касаясь моих губ своими. Едва заметно, как дуновение ветра.

— Я — нет, — пытаюсь выговорить, но его губы снова накрывают мои, заглушая слова.

Он снова приближается. На этот раз медленно, сохраняя зрительный контакт, и целует меня страстно, требовательно.

Должно быть, я спятила.

Поцелуй пробуждает во мне целый ураган эмоций. Я не отвечаю ему, просто теряюсь в происходящем и стою, приоткрыв от удивления рот. Дрожь пробегает по позвоночнику, пока мозг пытается осознать и смириться с происходящим...

Но я прихожу в себя и чувствую, что не хочу сопротивляться.

Отвечаю, вкладывая в него всю свою боль и страсть. Мир вокруг исчезает. Остаемся только мы.

Наконец Гоша отрывается от меня, смотрит серьезным взглядом. Он берет за руку и уводит в переулок недалеко от кафе.

Что он со мной делает? Я, словно призрака увидела, но готова следовать за ним. Четыре года прошло, но он здесь и сейчас. Рядом. Не могу в это поверить.

Он сам меня нашел!

Как только наши тени скрываются в безлюдном переулке, его руки жадно хватают меня, разворачивают и прижимают к стене. Сердце замирает от неожиданности. Я ощущаю щекой холодный и влажный камень.

— Что ты делаешь?! — выдыхаю, пытаюсь вырваться.

— Демонстрирую, как соскучился, — шепчет он, прижимаясь ко мне.

— Прекрати... — шепчу едва различимо, но он не слушает.

Гоша вдавливают меня в стену. Горячее дыхание на моей шее мгновенно превращает кровь в жилах в раскаленную лаву.

Он впиивается в нежную кожу горячими губами, беспринципно задирая мне юбку.

Он стал сильнее... Берет, что хочет. И я уже не сопротивляюсь.

Я закрываю глаза от удовольствия. У нас никогда не было серьезных отношений. Неужели он готов сделать это здесь?!

Но Гоша слишком уверенно действует. Его пальцы скользят между моих ног, вырывая из груди глухой стон.

Забываю обо всем на свете. О боли, о страхе, о затаившейся в сердце обиде. Остается только внезапное и долгожданное желание.

У меня уже четыре года никого не было, я сторонилась всех, и каждую попытку проявить внимание к моей персоне, я пресекала на корню...

Теперь же я извиваюсь в его руках. И мне плевать на все правила, на все запреты. Я хочу его. Сейчас.

Слышу, как резко он дергает молнию на брюках и тянет на себя мои бедра, проникая внутрь.

— Я здесь ради тебя, — шепчет он, двигаясь медленно.

Гоша кладет тяжелую руку мне на грудь, сжимает, хрипло выдыхая в ухо, а мой мозг превращает его дыхание в музыку. Душевные терзания и наслаждение сливаются воедино.

Движения становятся все быстрее и увереннее, доводят меня до пика. Я наслаждаюсь своими собственными стонами удовольствия, судорожно скользя пальцами по холодному кирпичу, закидываю голову и вижу голубое небо.

Он не останавливается.

Наконец, я почти теряю сознание. Не могу поверить, что это он так близко, он рядом, он во мне...

Прихожу в себя, повиснув на Гоше. Он держит меня, не позволяя упасть.

Мысли в смятении, сердце — разорвано в клочья, чувства — распалены, но во всем этом неожиданном великолепии мне отчего-то стыдно и противно.

Глава 4. Мирон. Никос.

Прошлое. 4 года назад.

Анделику шатает. Каждый шаг дается ей с трудом.

Идиотка. Совсем себя не бережет. Я вижу ее издалека, в конце коридора. Бледная, как смерть, но упорно ползет куда-то. Наверное, скажет, что на свежий воздух. Но сейчас ей нужен не воздух, а покой. И таблетки.

Перехватываю свою жену у самой двери. Перегораживаю дорогу этой глупышке. Оглядываю ее снизу вверх.

— Куда собралась, принцесса? — спрашиваю, скрещивая руки на груди.

Она вздрагивает, испуганно смотрит на меня. Глаза дикие, растрепанные волосы. Вид у нее дикий.

— Я... я просто хотела подышать свежим воздухом, — бормочет Анжелика и уводит взгляд.

Ухмыляюсь. Врет. Что-то замышляет. Я слышал грохот в ее комнате, наверняка, упала. Надеюсь, кости по-прежнему целы...

— Свежий воздух подождет. Врач сказал, тебе нужно отдохнуть, — беру ее под локоть. — И выпить таблетку.

— Я не хочу таблетки! От них мне еще хуже! Мне просто нужно немного погулять, — упирается она, пытаясь вырваться. — Я не хочу тратить свое время на сон!

— Время тратить? — с интересом смотрю на нее. — А на что еще ты собралась его тратить?

— Не важно. И не твое дело!

— Анжелика, не упрямясь, — терпеливо повторяю, стараясь говорить мягко. Но в моем голосе слышится сталь. Она это знает.

— Я не собираюсь тут валяться целую неделю! — огрызается она. — Отпусти меня!

— А если нет?

— Иди к черту! — выкрикивает она и пытается меня обойти.

Хватаю ее за руку, тяну на себя. Анжелика теряет равновесие и едва не падает.

— Анжелика, не испытывай мое терпение, — рычу в ответ, сжимая ее руку сильнее. — Я не хочу поступать так, чтобы ни ты, ни я не были довольны, но ты вынуждаешь...

— Да ну? Ты много раз так делал, с чего бы это вообще тебя напрягало?! Запер меня здесь, как в тюрьме! — кричит она, освобождаясь из моей хватки.

— Это для твоего же блага! — взрываюсь я. — Ты хочешь, чтобы тебе стало хуже? Убить себя решила?!

— Я лучше умру, чем останусь здесь с тобой!

У меня темнеет в глазах. Грубо хватаю ее за подбородок, заставляя смотреть в глаза.

— Повтори это, — едва слышно произношу, глядя на нее в упор. — Повтори, что ты лучше умрешь, чем останешься со мной.

Она молчит, смотрит испуганно. В ее глазах — страх и ненависть, как всегда.

— Что, прикусила дерзкий язычок? — зло усмехаюсь я. — Значит, не такая ты и смелая, чтобы расстаться с жизнью.

Отпускаю ее подбородок, разворачиваюсь и направляюсь в сторону комнаты.

— Пошли, — бросаю через плечо. — Или я сам тебя уложу в постель.

Она не двигается с места. Стоит, как вкопанная, смотрит на меня холодным осуждающим взглядом.

Но у нее сейчас нет другого варианта, кроме как подчиниться. Анжелика следует за мной в комнату, с недовольным видом садится на кровать и складывает руки на груди.

Медленно осматриваю поверхности и не вижу ни одного блистера с лекарствами.

— Где эти чертовы таблетки? — я продолжаю оглядываться по сторонам.

— Не скажу, — бормочет она, демонстративно отворачиваясь к стене.

Детка хочет поиграть.

— Значит, придется поискать, — пожимаю плечами и начинаю рыться в ее тумбочке.

Нахожу баночку с таблетками. Отлично.

Наливаю воду. Достаю капсулу.

— Открой рот, — приказываю и подхожу к краю кровати, нависая над ней.

Анжелика вздрагивает от такой неожиданной команды, поглядывая на меня снизу вверх.

Наверное, решила, что я действительно буду играть с ней.

— Не буду, — упрямится Анжелика и впирается наглым, бросающим вызов, взглядом.

Не будь она с сотрясением, уже пожалела бы о своем поведении, но ничего не могу с ней поделать. Приходится повременить и играть по ее правилам.

— Будешь...

Она выжидающе смотрит на меня. Наивно полагает, что я серьезно буду ее уговаривать или вообще просто выйду из комнаты?! Нет, детка, не угадала.

Резко хватаю ее за голову и зажимаю нос пальцами. Она начинает задыхаться.

— Отвали! — кричит, пытаюсь вырваться.

Удобно сжимаю ее бедра своими ногами, не позволяя выкрутиться, вынуждая запрокинуть голову.

— Открой рот шире, — я продолжаю держать ее нос, попутно заваливая Анжелику на кровать.

Черт. Я чувствую, как меня накрывает желание. Поправляю джинсы.

Даже сейчас, когда я зол, я до безумия хочу ее.

Замечаю, как она вздрагивает. Сейчас одно неверное движение, и я потеряю контроль. Одно касание — и я сорвусь.

Сейчас не время.

Она начинает отбиваться, царапаться, но я держу ее крепко. Наконец, Анжелика открывает рот, чтобы вдохнуть воздух. Я быстро заталкиваю капсулу ей в рот и заставляю проглотить, запивая водой.

— Вот и все, — отпускаю и отстраняюсь. — Было так сложно?

Она сидит на кровати, кашляет, вытирает слезы. Смотрит на меня с ненавистью.

— Ненавижу тебя, подонок! — выкрикивает Анжелика, вытирая с подбородка воду.

— Это не новость, — невозмутимо отвечаю в ответ. — Но ты все равно сделаешь то, что я скажу.

Разворачиваюсь и подхожу к двери. Столько дел еще, а я вожусь с этой девчонкой, над характером которой мне еще придется поработать.

Останавливаюсь.

— И послушай меня внимательно, Анжи, — серьезно смотрю на нее. — Если ты еще раз попытаешься сбежать, я... запру тебя здесь. Навсегда. Ты меня поняла?

Жду ее ответа. Она молчит, опустив голову.

— Поняла? — повышаю голос я.

Она вздрагивает.

— Да, — шепчет, выдавая обиду в голосе, но не отводит взгляд, словно ждет команды.

— Отлично, — говорю я. — А теперь отдыхай.

Выхожу из комнаты и захлопываю дверь. Прислоняюсь спиной к стене, закрываю глаза.

Черт, превращаюсь в конченного ублюдка. Но я не могу с ней по-другому. Я должен ее защитить. Даже от нее самой.

И если для этого нужно быть жестоким... Что ж, значит, я буду жестоким.

Нужно срочно выкурить сигарету. И выбраться из дома.

Надо придумать, как решить все проблемы с Никосом одним махом и сделать так, чтобы Анжелика больше не пыталась сбежать.

Телефон вибрирует, вырывая меня из липких мыслей. Сообщение от Сени: *«Никос ждет тебя в "Версале". Он один»*.

«Версаль». Пафосное название для очередного рассадника криминала. И «один» — это забавно. Никос никогда не бывает один. Но сейчас это неважно. Мне нужны ответы.

Накидываю кожаную куртку на плечи и выхожу из дома.

— Мирон Андреевич! — зовет наша управляющая — Назокат. — Мирон Андреевич, Анжелика Викторовна остается здесь одна?! Андрей Игоревич собирается на работу! У меня дел по горло. Как мне быть?!

— Анжелика спит. Таблетки действуют, — убеждаю в этом скорее сам себя.

— А если нет? — тревожится она.

Я прекрасно понимаю беспокойство Назокат — ей не хочется быть сиделкой для моей молодой непредсказуемой жены, но такого мое распоряжение. Забавно наблюдать, как ее испуганные глаза бегают в ожидании ответа.

— Привяжи ее, — шучу я, не меняя серьезного выражения лица.

— Привязать? — она принимает мои слова за истину и даже бледнеет. — Но она же человек! Нельзя так поступать.

— Назокат, она даже выползти не сумеет из своей комнаты. Если все-таки сумеет — позвони мне. И тогда — свяжи ее обязательно, — я мысленно веселюсь, почему бы и нет.

— Сын, — слышу строгий голос отца, — в офисе много дел. Ты нужен там, а тебя это совсем не интересует.

— У тебя полно топ-менеджеров, которых ты собирал по всей столице. Уверен, даже в Апокалипсис они втридорога продадут билеты в первый ряд... — голос звучит равнодушно, потому что мне плевать на его бизнес.

Неохотно оборачиваюсь, поигрывая брелоком от машины в руке.

— Следи за языком, щенок. В моей огромной компании найдется дело для любого, кто умеет думать.

— Начальник службы безопасности все также ебет в перерывах Вику из бухгалтерии, а твоя секретарша строит тебе глазки, предаваясь мечтам о беззаботной жизни. Все как обычно: скучно и неинтересно, — удивляюсь его молчанию, зато он сейчас испепелит меня своими глазами-лазерами. — Или ты тоже ее...?

— Неблагодарный засранец, — мгновенно следует неожиданный удар в грудь, словно в меня впечатали чугунную плиту.

Я выдохнул весь воздух и отступил, вцепившись в грудную клетку, где полыхает адский огонь.

— Через час жду в офисе, — сурово говорит сквозь зубы отец, затем отворачивается, поправляя пиджак, и уходит вглубь коридора.

Неприятно, блядь, очень...

Сажусь в свою новую «ласточку» и жму на газ. Добраться до «Версаля» — дело десяти минут на такой лошадке.

Ресторан сверкает золотом и хрусталем. Пафоса здесь больше, чем воздуха. Я привык к подобным местам. Здесь тусуются те, кто считает себя хозяевами жизни. Те, кто готов на все ради власти и денег.

Внутри меня встречает симпатичная хостес с улыбкой, от которой сводит зубы. Называет мое имя и проводит к столику в дальней части зала. Да, здесь меня знают. Хотя, признаться, я ожидал, что она встретит меня на коленях и с широко открытым ртом, как когда-то раньше. Видимо, не сегодня.

Никос уже здесь. Вокруг него — охрана, больше похожая на горилл. Все в черном, с тупыми лицами. Стандартный обязательный набор.

Никос встает.

— Мирон, рад тебя видеть, — говорит он, протягивая руку, но я игнорирую его жест. — Где же твоя прекрасная спутница?

Он замешкался... Неожиданно.

— Анжелика не должна тебя больше интересоваться, — отвечаю я и сажусь напротив. — Я решил, что важнее поговорить с тобой. Лично. Поэтому я здесь.

— Понимаю, — кивает Никос, но я замечаю, что он не понимает причину моего визита. — Что ж, раз ты здесь... Говори, что хотел. Ты хочешь долю побольше? Это рано или поздно случилось бы.

— Ты знаешь, о чем я хочу поговорить, — отвечаю, глядя ему прямо в глаза. — Но, раз ты не догадываешься, то приведу ключевые фразы. Авария. Покушение на Анжелику. И попытка убить меня...

Никос сохраняет невозмутимость. Даже бровью не ведет.

— Покушение? Мирон, о чем ты говоришь? — спрашивает он, делая вид, что не понимает.

— Не играй со мной, Никос, — говорю я, повышая голос. — Мою машину пытались протаранить на трассе. Анжелика едва не погибла. И я уверен, что это твоих рук дело.

Никос усмехается.

— Мирон, ты перегибаешь палку. Помнится, уговор был следующего содержания: «Она и все, что она видела — твои проблемы», разве нет? Зачем мне убивать вас? Доверие — хрупкая вещь. Разобьешь однажды — не соберешь никогда, — произносит он, слегка улыбаясь. — Ты же знаешь, я ценю тебя. Ты — важный человек в нашей... организации.

— Тогда объясни, кто это сделал, — говорю я. — Что тебе известно? Ты, наверняка, знаешь больше, чем говоришь.

— Я могу сказать лишь одно, — отвечает Никос. — Это не моя работа. Но я попробую помочь, если ты попросишь...

Смотрю на него, пытаюсь понять, врет он или говорит правду. В его глазах — искренность. Никоса я знаю уже три года, и он всегда был верен своему слову.

— Знаешь, что, Никос? Я тебе не верю, — говорю, поднимаясь из-за стола, проверяю его реакцию на мое недоверие.

— Мирон, погоди! Что ты делаешь? — он подскакивает и хватается меня за рукав, нахмурившись. — Я бы ни за что! Поверь мне.

Ухмыляюсь, разглядев, что я все еще важен для его... нашей работы.

Это не он. Никос говорит правду. А кто тогда? Надо поговорить с отцом — значит, это были его враги.

Глава 5. Анжелика. Бывший парень.

Настоящее.

Полдня я просидела дома, устав плакать.

Вечером приехала Катя, привезла набор для домашнего мороженого, чтобы поднять мне настроение.

Мы расположились на моей небольшой уютной кухне.

— Если это Гоша так поступил — он совсем не тот, каким я его знала, — говорит настоящая Катя. — Гоша всегда был милым, добрым, уважительным. Совершить подобное на улице... уму непостижимо!

— Я не узнала в нем того Гошу. Но время проходит, люди меняются, — я сама не верю своим словам.

— Ну ты динамила его раньше, дай боже. Может, он просто захотел взять свое, и больше ты его не увидишь? — предполагает она, отпивая сок из стакана.

— Если бы. Он без пяти минут деловой партнер Андрея Игоревича, — я открываю несколько пакетиков смеси и принимаюсь смешивать сухие ингредиенты.

Катя отводит взгляд и вздыхает.

— Я недавно видела Ленку, — говорит Катя. — Ту самую, из-за которой тогда все пошло наперекосяк.

— Я помню...

— Она сделала вид, что мы не знакомы. Ты представляешь, какая мерзавка?! Ты ее давно видела?

— Ага. Когда работаю в галерее, спускаюсь в кофейню, и глаза сами выискивают ее в магазине напротив... мелькает иногда, — неохотно отвечаю я. — Крайне редко.

— После всех ее дел ты еще помнишь про нее, — хмыкает Катя. — Она сама дура, что дров наломала.

— Я не злопамятная, но она даже не попробовала извиниться. Интересно, от кого у нее ребенок? Какая-то тайна, покрытая мраком.

Катя вздыхает, помешивая молоко на плите.

— Да уж. Мне кажется, что она и сама не знает, иначе вылила бы на него тонну дерьма. Напилась где-нибудь в клубе и дала первокурснику за коктейль. Вот чего не хватало человеку? Никогда я ее не понимала, — Катя возмущенно фыркает. — Как твоя практика в художественной галерее?

— Интересно, — воодушевляюсь я. — Провожу экскурсии иностранцам и иногда рисую. Там невероятная студия!

— Осталось защитить диплом и добро пожаловать во взрослую жизнь, — вздыхает Катя, переливая горячее молоко в большую миску к сыпучим ингредиентам.

— Мне это совсем не страшно. После смерти отца я быстро влилась в эту взрослую жизнь.

— Я тебя обрадую. Я перевелась в твою галерею на практику, — улыбается она.

— Не может быть!

— Ага, будем вместе проводить экскурсии. Но, есть кое-что еще, чем я хочу поделиться...

Я достаю силиконовые формочки для мороженого и снимаю с них крышки.

— Говори, что такое?

— Лирика, я скорее всего уеду после универа.

Я удивленно и одновременно грустно смотрю на нее.

— Куда уедешь?! Зачем?

— Мне тетя предложила работу в бюро переводов в Ярославле. Я соглашусь. Мне давно хочется свалить из Москвы.

— Ну, дело твое, — отвечаю я. — Буду приезжать в гости.

Весь вечер мы общались и вспоминали былые времена. Мысль о её отъезде неприятно колет. Но после университета у нее будет своя жизнь. Я не в праве диктовать ей, как поступать.

Утром я тороплюсь в художественную галерею. Опаздываю. Не помню, куда положила ключи от машины.

Открываю дверь — и застываю. На пороге стоит Гоша.

Что он здесь делает?!

— Привет, — как ни в чем не бывало говорит он.

— И пока.

— Торопишься? Подвезти тебя?

— У меня есть машина, — я указываю взглядом в сторону гаража и уже собираюсь идти, как вдруг он преграждает мне путь. — В чем дело?

— Я хотел пообщаться, — Гоша не сводит взгляд с моих губ.

— Мне кажется, мы вчера отлично пообщались в переулке. Тебе было недостаточно этого «общения»?

— Прости, это было грубо с моей стороны. Я не ожидал тебя увидеть вчера на переговорах. И как-то само вышло...

— Врешь! — уверенно отвечаю я. — Ты прекрасно знал, чья это компания. После смерти отца я заняла его место. Ты и врешь мне? В голове не укладывается.

— Черт. Вру я плохо, да?

— Не то слово. Хотя бы что-то в тебе осталось неизменным, — я не могу оторвать взгляд от его глаз, словно пытаюсь увидеть в них что-то знакомое.

— Что-то взбрело в голову вчера. Наверное, переизбыток эмоций от встречи. Я хочу вытащить тебя из этого, Анжелика.

Я искренне смеюсь.

— Это моя жизнь. И она мне нравится. Я многое перенесла ради этой жизни, чтобы она стала именно такой, как сейчас. Не надо меня спасать.

Я теряю терпение и с силой отталкиваю его. Направляюсь к гаражу. Утро выдается, как назло, отвратительным. Не понимаю, какого черта он приперся?!

— Курагина, подожди! Анжелика...

Меня передергивает от звука своей девичьей фамилии, и я замираю.

— Я давно Романова, но думаю, ты об этом итак знаешь. А теперь уходи. Это частная территория.

Открываю гараж и краем взгляда наблюдаю за тем, как Гоша уходит куда-то вниз по дороге.

Нам больше нечего сказать друг другу. Я сделала со своей стороны все, что могла, когда узнала, что он больше не в коме... Искала с ним встречи, но не судьба.

Закидываю сумочку на заднее сиденье, удобно устраиваюсь в кресле водителя и еду в галерею на практику. Хочется порисовать. Планирую провести пару экскурсий у иностранцев и скрыться в художке.

День тянется невыносимо медленно. Как назло, сегодня полно туристов — пятница. Я уже провела три полноценные экскурсии, на что у меня ушло почти четыре часа.

— Анжелика, — зовет меня мой куратор — Елизавета Сергеевна, — отдохни часик и сейчас приедут три автобуса с иностранцами, я распределяю поток между тобой, Катей и Максимом. Потом можете быть свободны.

— Понятно, — с грустью вздыхаю я, осознавая, что на рисование у меня просто не останется сил.

Тяжело воплощать свои задумки на холсте, когда глаз дергается и руки не слушаются от усталости.

Направляюсь к небольшой кофейне, расположенной в галерее.

— Ладте, пожалуйста. Привет.

— Привет, Лика, — отвечает Паша. — Сегодня у всех тяжелый день.

Он улыбается, разглядывая меня — уставшую и ненавидящую весь мир в эту пятницу.

— Ты прав, повеситься хочется.

Он смеется.

— Не все так печально. Завтра можно отдохнуть.

Он протягивает мне ароматный напиток, и я с наслаждением делаю первый глоток, приближаясь к одной из картин, чтобы лучше рассмотреть.

— Как продвигается практика? — слышу внезапно знакомый голос и оборачиваюсь — Гоша. — Что ты так смотришь? Я не привидение. Пожалуйста, Анжелика, выслушай меня. Я столько времени упустил и хочу попробовать что-то исправить. Я знаю, ты злишься, что так получилось. Но я не скрывался, честно.

Гоша смотрит на меня таким пронизательным взглядом, что я решаю все-таки дать ему шанс. Этот шанс — скорее отчаянная попытка хоть как-то разобраться в этой каше чувств и вопросов, что бурлит внутри меня.

— Хорошо, — говорю я, складывая руки на груди. — Давай пообщаемся, но у меня совсем мало времени на разговоры. Я все-таки на практике.

Гоша обаятельно улыбается и кивает, понимающе смотрит на меня, не скрывая радость. Неужели он действительно надеется на что-то? Неужели я позволяю ему надеяться?

— Отлично, — улыбается он, — тогда начнем прямо сейчас. Проведешь мне экскурсию по своей галерее?

Вдыхаю. Ну почему он не может быть хоть немного проще? Но, с другой стороны, если бы он был проще, наверное, я бы не заметила его когда-то.

— Хорошо, пойдем, — соглашаюсь я, жестом приглашая его следовать за мной. — Но учти, я буду говорить только о картинах. О личном — ни слова.

Провожу его в первый зал, где представлены работы современных художников. Объясняю ему концепцию выставки, рассказываю о каждом авторе. Стараюсь полностью погрузиться в работу, чтобы отвлечься от его присутствия, от его взгляда, от всего, что связано с прошлым.

Но не получается. Каждое его движение, каждый вздох не ускользает от моего внимания. Чувствую, как он идет за мной, как его глаза изучают меня не меньше, чем картины.

Останавливаемся перед абстрактной композицией, выполненной в ярких, кричащих тонах.

— Что ты видишь на этой картине? — спрашиваю я, стараясь говорить спокойно и профессионально.

— Я вижу хаос. И страсть, — отвечает он, не отрывая от меня глаз. — Как и в тебе.

Кровь приливает к щекам. Он опять начинает.

— Это просто краска, — резко обрываю его. — Не нужно искать скрытый смысл там, где его нет.

Перехожу к следующей картине, он следует за мной, не отставая ни на шаг.

— Ты не всегда была такой упрямой, — говорит он тихо, так, чтобы слышала только я. — Я также помню тебя и другой. Более открытой, более искренней, такой беззащитной...

Останавливаюсь, поворачиваюсь к нему лицом.

— Гоша, я же сказала, никаких личных разговоров, — одергиваю его, стараясь держать себя в руках. — Если ты не можешь этого понять, тогда лучше тебе уйти.

Продолжаем экскурсию, переходим из зала в зал.

Иванов задает умные вопросы, внимательно слушает мои ответы, делится своими впечатлениями. Я вижу, что он действительно заинтересован в искусстве, а не только во мне.

И это меня немного успокаивает. Может быть, все не так уж и плохо. Может быть, мы действительно сможем пообщаться, не вспоминая о прошлом. Может быть...

Останавливаемся перед портретом молодой женщины, выполненным в стиле реализма.

— Что ты видишь в этой женщине? — спрашивает Гоша, глядя на картину.

— Я вижу грусть, — отвечаю я. — И одиночество. Она красива, но в ее глазах читается какая-то тоска.

— А ты? — спрашивает он, поворачиваясь ко мне. — Ты чувствуешь себя одинокой?

Молчу. Этот вопрос застает меня врасплох.

— Иногда, — признаюсь я наконец. — Иногда мне кажется, что я совсем одна в этом мире.

Он берет мою руку в свою. Я дергаю руку, но он удерживает её. Сжимает нежно.

— Ты не одна.

Смотрю на него. В его глазах — искренность и тепло. И на мгновение мне хочется верить ему. Забыть обо всем и просто довериться.

Но я не получается. Слишком много боли и разочарования в моем прошлом. Слишком страшно снова обжечься.

— Когда я узнал, что ты вышла замуж за него, то я сначала счел это предательством, потом подумал, что я дурак и чего-то не знаю, — он грустно улыбается.

— Да, не знаешь... А я не горю желанием рассказывать, кроме того я все еще замужем. Это был договор.

— Почему не развелась? Извини за бестактность.

Понятия не имею, как должен звучать ответ на этот вопрос. Наверное, юридические стороны вопроса не позволили... Отговорки.

— Я должна идти, — торопливо меняю тему, прекрасно понимая, что все еще растерянно смотрю на него.

Вопрос меня смутил и правильный ответ я не знаю.

Разворачиваюсь и ухожу, оставляя Гошу одного перед портретом одинокой женщины. Не знаю, что будет дальше. Но одно известно точно: он снова в моей жизни. И я не знаю, радоваться этому или бояться.

Глава 6. Мирон. Неожиданные перспективы

Прошлое. Четыре года назад.

— Ты думаешь это дело рук Калмыкина? Мы разгромили его дом в Александрове! А он мстить полез? Убивать меня и Анжелику?! — в гневе кричу, не допуская подобную мысль.

— Да с какого хера он забудет про месть, Мирон?! Ты думаешь, его напугали маски шоу в доме? Нет. Он сразу же дал тебе под дых, как только ты расслабился, блядь! — отвечает отец. — Так что вопрос к тебе, сын. Какого черта ты расслабился?

Молчу. Он прав. Я с чего-то подумал, что проблема устранена.

— Молчи и слушай. Дело серьезное. И если ты это пропустишь мимо ушей, то последствия будут очень печальные.

— Где доказательства того, что это был Калмыкин? Я не стану верить тебе на слово.

— Тогда, почему ты сразу после покушения не выбил из этих дебилов инфу, от кого они? — он пытается прожечь меня своим орлиным взглядом. — Что молчишь?

Закуриваю сигарету, выпуская плотный клуб дыма в потолок кабинета. Тут вершатся сделки на миллионы, решаются судьбы и плетутся интриги. Здесь я вырос.

— Что ты предлагаешь? — спрашиваю наконец. Голос звучит хрипло, выдавая мое напряжение.

— Предлагаю тебе включить мозги, — хмыкает отец. — Хватит думать, что ты неуязвим. Калмыкин — это не шпана дворовая, он серьезный противник. Даже если это были не его люди, все — серьезные противники! И они будут играть грязно. Так что и ты не церемонься. Понял меня? Или забыл, что случилось с Витей Курагиным? Я пытался вытащить отца Анжелики, как только мог. И не получилось! Акулы бизнеса тожедохнут от безымянной пули. Помни об этом всегда.

Киваю. Это я и сам понимаю. Игра в благородство — не мой конек.

— И еще кое-что, — добавляет отец, продолжая жечь меня взглядом. — Забудь про эту девчонку... Анжелику. Она случайно в нашем деле. Я пока думаю, как мне ее обезопасить, но она безрассудна. Не подчиняется. Хоть на цепь сажай.

Он садится в кресло и откидывается на спинку.

Вот тут меня пробивает злость.

— С какого хера? — спрашиваю я, повышая голос.

— Ты думаешь, я не вижу, как ты с ней возишься? Из-за нее ты слаб! — рывкает отец в ответ. — Столько дров наломал. Запомни, Мирон, в нашем деле слабость — это смерть. И если ты не избавишься от своей, то погибнешь вместе с ней.

Сжимаю кулаки. Он прав. Опять прав. Но я не брошу Анжелику. Она моя!

— Я сам разберусь, — стараюсь сохранять спокойствие. — Не лезь не в свое дело.

— Это и мое дело, — возражает отец. — Потому что это касается моей безопасности. И безопасности дела всей моей жизни. И если ты не можешь этого понять, то ты еще слишком молод для этого бизнеса!

— Мы уже женаты.

— Мирон, я в ахуе, что ты провернул это так быстро, — отец подходит к бару и открывает бутылку двадцатилетнего виски. Осторожно делает глоток из горла. — Ну, что... поздравляю тебя!

— Это изначально твоя идея.

— Да. Но существуют хорошие идеи и плохие идеи. Так вот Анжелика — просто притягивает проблемы. Она, как яблоко раздора. Ты же знаешь, как Витя ее баловал после смерти жены. Я не упрекаю его, но девочек нельзя воспитывать как принцесс.

— Она моя жена, — твердо повторяю я.

Встаю с кресла, направляюсь к двери. Разговор окончен.

— Твое дело, сын. Надеюсь, ты не пожалеешь о своем выборе, — он с интересом разглядывает напиток. — Слабости, они такие... Заманчивые, как сладкий яд, который не отвергнешь. И в то же время нежные и уязвимые...

Ощушаю его горячий взгляд спиной и не хочу поворачиваться, чтобы снова встретиться с ним лицом к лицу.

— Если она — моя слабость, то я стану палачом, карающим без милосердия... Ты знаешь, я могу.

Отец ухмыляется, делая глоток.

Думаю, мой ответ его устроил.

Выхожу из кабинета, захлопнув дверь. Секретарша пожирает меня глазами, но тут же, как только я смотрю в ответ, переключается на экран монитора. Интересно, отец держит ее ради отчетов... или ради вечеров на своем столе. Девка в любом случае огонь, вряд ли простаивает.

Нужно срочно выбраться на улицу.

Сажусь в машину, жму на газ. Поеду к Анжелике, чтобы увидеть ее, убедиться, что с ней все в порядке.

Всю дорогу думаю о словах отца. Он не понимает. И никогда не понимал меня. Он не любил мать, раз так спокойно отпустил. А она рада была улететь навсегда в Европу.

С Анжеликой все иначе. Она дарит мне безбашенные эмоции, от которых кровь в жилах кипит и будоражит тело. Вокруг меня всегда полно девок, которые ебутся, как в последний раз, но только с ней я постоянно на взводе... И мне всегда мало.

Влетаю в дом, как ураган. Поднимаюсь в ее комнату — пусто. Тишина режет уши.

Где Анжелика, черт возьми?!

— Анжелика! — повышаю голос.

В коридоре появляется Назокат. В глазах — испуг.

— Мирон Андреевич, Анжелики нет дома, — говорит она, запинаясь.

— Где она? — рычу я и подхожу к ней вплотную. — Куда она уехала?

Назокат пятится в коридор.

— Она... она уехала куда-то, — отвечает едва слышно, вытаращив глаза.

Меня словно кипятком ошпарили. Руки сжимаются в кулаки.

— Что?! — ору я. — Ты с ума сошла?! Как ты могла ее отпустить?!

— Я пыталась ее остановить, Мирон Андреевич, — говорит Назокат, дрожа всем телом.

— Но она... она была как одержимая. Ничего не слушала! Просто выскочила из дома и уехала на такси.

— На такси значит... — мысли выстраиваются в логическую цепочку.

Она уехала на такси, значит машина попала в поле зрения камер.

— Я не знаю, — вздрагивает Назокат. — Она ничего не сказала. Честное слово! Такая упрямая, что же мне с ней делать?!

— Хватит ныть, проваливай! — кричу я Назокат, и она быстро исчезает.

Прохожусь по гостиной, как зверь по клетке. Злость душит изнутри.

Достаю телефон, набираю номер Анжелики. Не отвечает.

Проклятье! Что она творит?! Еще не хватало искать по всему городу ее бездыханное тело...

Сажусь за компьютер и включаю программу видеонаблюдения. Так... вот она выходит, садится в машину. Черт, не видно номер. Переключаюсь на другую камеру — бинго! Перевожу взгляд на часы — полчаса назад свалила. Сучка хитрая.

Это я дурак, увлекся своими делами. Действие таблеток закончилось и Анжелика сразу же сбежала.

Немедленно достаю телефон и набираю Олегу.

— Здорово, Мирон! — приветствует он.

— Олег, я отправил тебе сообщение с номером такси, пробей адреса заказов за последние полчаса.

— Воу, ну щас. Я думал, ты потусить приглашаешь куда-то в более приятное место, чем здесь.

— В другой раз обязательно.

Слышу, как он неистово клацает кнопки клавиатуры, чем-то напоминает музыку. Своеобразную, конечно.

— Так... хмм. Такси еще выполняет заказ. Едет к Оршанской. Скидываю точный адрес.

— Я твой должник.

— А то! — радуется Олег.

Выхожу из дома, прыгаю в машину, жму на газ. Нужно найти ее.

Проклятая пробка! Автомобили застыли в плотном потоке. Я, как в мышеловке.

Барабаню пальцами по рулю, чувствуя, как закипает кровь.

Что она придумала? Застрял здесь, как идиот. Опять чертовы игры. Дел по горло, а я, ревнивый мудака, преследую ее... ебанул в край.

Вытаскиваю пачку сигарет, закуриваю. Дым успокаивает ненадолго. Затягиваюсь глубоко, выпускаю дым в открытое окно. Нужно сохранять спокойствие. Паника ни к чему хорошему не приведет. Сердце горит от этой неопределенности. У меня есть сердце? Оказывается, да.

Телефонный звонок нарушает тишину в салоне. Никос. Проклятье, сейчас еще его не хватало.

— Что тебе нужно? — рычу я в трубку.

— Не стоит так грубо, Мирон, — слышу в ответ его спокойный голос. — Я звоню тебе с интересными новостями.

— Выкладывай, у меня нет времени, — говорю я, продолжая нервно постукивать пальцами по рулю.

— Я знаю, кто организовал покушение на вас с Анжеликой и устроил аварию, — сообщает Никос.

Внутри все сжимается от напряжения. Вот это новости! То, что я так отчаянно хочу узнать.

— Кто же посмел? — спрашиваю, стараясь сохранить спокойствие и высказывать не сильную заинтересованность, будто уже и сам все выяснил.

— Не торопись, Мирон, — усмехается Никос. — Я дам тебе эту информацию. Но взамен ты должен кое-что сделать.

Как я и предполагал. Никос никогда ничего не делает просто так. Чертов мудака.

— Что тебе нужно? — спрашиваю, чувствуя, как злость закипает внутри.

— Просто небольшая услуга, — отвечает Никос таким же спокойным голосом. — Мне нужно организовать доставку... из Гонконга. И я хочу использовать для этого компанию твоего отца. Вы же очень давно торгуете со странами Востока, я не ошибаюсь?

Молчу. Вот это поворот. Никос хочет подставить моего отца. И меня заодно.

— Ты с ума сошел?! — спрашиваю, обезумев от его наглости. — Ты просишь меня подставить компанию отца?

— Не драматизируй, Мирон, — отвечает Никос. — Это просто бизнес. И потом, тебе же надо знать, какого мышонка придушить? А бонусом — я тебе очень хорошо заплачу.

Сжимаю телефон в руке так сильно, что, кажется, пластик треснет. Ублюдок давит на самое больное место.

Никос загнал меня в угол.

Ненавижу себя за то, что оказался в такой ситуации. Ненавижу Никоса за то, что этот гандон мной манипулирует.

В голове все мысли только об этой неугомонной девчонке.

Но как я могу предать отца? Я не буду его предавать... Все пройдет тихо и аккуратно. Он не узнает, Никос будет доволен, я — богат. Второй раз богат.

Ради безопасности Анжелики я готов на все.

— Я согласен.

Закуриваю еще одну сигарету.

— Отлично, Мирон, — слышу в ответ его довольный голос. — Я знал, что ты сделаешь правильный выбор.

— В мессенджере вся инфа — фотки, переписка.

Я слышу, как сигнализирует входящее сообщение и не одно. Включаю громкую связь, чтобы было удобнее разглядывать материалы.

— Серега Калмыкин и... Дмитрий Горбушев, — говорит Никос. — Вот кто заказал покушение на вас.

Сердце внезапно лупит в ребра.

Горбушев... Это имя вызывает во мне волну ярости.

— Димон Горбушев? — переспрашиваю я, с силой сжимая руль.

— Именно он, — подтверждает Никос, и я слышу, как он ухмыляется. — Похоже, у вас с ним старые счеты.

Счеты? Да этот ублюдок смел коснуться Анжелики! Он похитил ее по приказу Калмыкина. Четко все спланировали... Именно этого мудака я первым вырубил в особняке. И сейчас жалею, что не прикончил его тогда на месте. Какой же я долбоеб!

— Этот ублюдок должен был давно сгнить в могиле, — говорю я, не спуская злых глаз с фотографии Горбушева. — Мой косяк, я не довел дело до конца.

— Не переживай, друг, — говорит Никос. — Ты получишь свой шанс отомстить. Но сначала послушай меня до конца.

Внимательно слушаю его голос, стараясь взять себя в руки.

— Калмыкин и Горбушев чертовски опасные, — продолжает Никос. — Они хотят подвинуть твоего отца очень давно. Есть шепотки, что именно Калмыкин заказал отца Анжелики. Нанял отличного киллера. Сам знаешь, какие возможности у толстого ублюдка.

— У него итак отличный кусок в торговле с Востоком. — резко выдыхаю дым. — Рожа не треснет?

— Калмыкин — жадный пес, — отвечает Никос. — Ему нужны деньги. А Горбушев... У него свои мотивы. Может быть, месть. Может быть... что-то еще.

— Мсть за что? За то, что я оставил его в живых? Он должен быть благодарен мне...

— За Анжелику, например, — отвечает Никос. — А Калмыкин никогда не простит тебе того, что ты сделал. Ты же сам понимаешь... Спалить один из дорожных особняков, поубивать его охрану ради спасения девчонки... Такое не прощают, друг. Но, ты знаешь тогда повеселился, я заценил.

Сжимаю кулаки. Мысль, что Анжелика опять окажется в опасности злит меня еще больше. Этот Горбушев... Он заплатит за все, а потом и Калмыкин. Но с Калмыкиным сложнее...

— Где они сейчас? — спрашиваю я.

— Калмыкин скрывается в своих домах, — отвечает Никос. — Но Горбушев, по моим данным, находится в городе. Я дам тебе несколько адресов. Он часто меняет хаты. Ждет, наверное, незваных гостей...

В мессенджер приходит сообщение от Никоса.

— Вижу, — говорю я, вчитываясь и определяя расстояние от меня до ближайшего адреса Горбушева. — Я сам с ним разберусь.

— Не спеши, Мирон, — говорит Никос. — Я могу тебе помочь. У меня есть люди, оружие.

— Мне не нужна твоя помощь, — отвечаю я. — Я справлюсь сам.

Давно понял — чем больше дает Никос, тем сложнее с ним рассчитаться.

— Мирон, если что — проси помощь, мы же команда, да? — Никос произносит навязчивым тоном.

— Типа... — я завершаю звонок.

В голове — только одна мысль: найти Горбушева и заставить заплатить за все. А следом — его босса.

Этот ублюдок пожалеет, что родился на свет. И он пожалеет, что встал у меня на пути.

Незаметно для самого себя подъезжаю по адресу, который дал Олег, и вижу мою девочку, выходящую из подъезда многоэтажного дома.

Анжелика не замечает меня, медленно спускается по лестнице и также медленно двигается по тротуару. Глупышка. Не буду пугать.

Я еду за ней следом, двигаясь на машине крайне медленно. Она идет по тротуару, опустив голову, словно потерянная.

— Ну как прогулка? Живая? — спрашиваю я, опуская стекло.

Анжелика вздрагивает и замирает. Поворачивает голову — видит меня. В глазах... испуг?

— Мирон? Что ты здесь делаешь? — спрашивает она, с опаской глядя на меня.

— За тобой приехал, — спокойно отвечаю. — Не бросать же тебя одну бродить вечером по городу.

Она молчит, смотрит на меня с сомнением.

Останавливаю тачку и выхожу к ней.

— Садись, — говорю я, открывая переднюю пассажирскую дверь. — Не будем разговаривать на улице.

Она колеблется, но все же подходит к машине. Садится на сиденье, пристегивается. С облегчением выдыхает, прикрывая глаза.

Бледная. Вздыхающая. Лишь бы в обморок не грохнулась.

— Что происходит, Мирон? — спрашивает она, снова глядя на меня с тревогой.

— Просто хочу убедиться, что с тобой все в порядке, — отвечаю я, трогаясь с места.

— Со мной все в порядке, — говорит она, отворачиваясь к окну. — Не нужно за мной следить.

Анжелика дотрагивается до висков и снова закрывает глаза. Дышит медленно, глубоко.

— Следить? Что ты такое говоришь, Анжи? Я просто мимо проезжал, — отвечаю, прибавляя газу. — Опасно одной гулять так далеко от дома, да еще в твоём состоянии.

А что ты здесь делала — выясню позже. Уж будь уверена. Как мне все это не нравится...

— Ты хочешь меня защитить или просто контролировать? — Анжелика нервно тербит края рукавов. — Даже не отвечай. Все, как обычно...

Этот вопрос заставляет меня задуматься. Я действительно хочу защитить ее. Но, может быть, я и правда пытаюсь ее контролировать? Если только самую малость...

— Я хочу защитить тебя, — отвечаю я, глядя ей в глаза. — И я просто не хочу, чтобы с тобой что-то случилось.

Она вздыхает.

— Я сама могу о себе позаботиться, — отвечает она, обнимая свои плечи руками, будто пытается успокоиться.

— Я знаю, — отвечаю, едва сдерживая себя от искушения сыронизировать над ситуацией. — Но все же...

Наступает тишина. Еду, обдумывая, что бы сказать. Она молчит, грустно смотрит в окно. Все-таки ей явно херово, надо бы врача пригласить...

Нужно что-то сделать. Что-то сказать. Чтобы доказать ей, что я не тот монстр, которым она меня считает, что с утра я погорячился, потому что идиот...

К дьяволу.

Глава 7. Анжелика. Квартира Гоши.

Прошлое. Четыре года назад.

Я просыпаюсь в холодном поту. Проклятые таблетки, которые меня заставил выпить этот...

Медленно поднимаюсь с кровати — все отлично, но сильная слабость.

Иду в душ — прохладная вода приводит меня в чувство. Больше ничто на свете не заставит меня принять эти таблетки!

Первым делом смываю все капсулы в унитаз.

Захожу в гардеробную — выбираю, что-то по погоде и спотыкаюсь о завернутую в бумагу картину, на которой я изобразила себя с Гошей.

Наш сад в парке. Единственное место в городе, где мы могли дышать. Хватаю пакет и беру ее с собой.

Заказываю такси — подача машины через пять минут. Отцовскую «Бэxu», припаркованную в гараже Романовых я не рискую брать — не хочу попасть в еще одно ДТП из-за своего состояния.

Осторожно добираюсь до кухни. На столе стоит огромная фруктовая корзина. Запихиваю в себя пару кусочков ананаса. Больше не лезет.

— Анжелика Викторовна! — заходит Назокат.

Я вздрагиваю.

— Где Мирон?

— Мирон Андреевич пока не возвращался.

— Хорошо. Я ухожу.

— Он будет злиться!

— Пусть.

Я стараюсь быстрее добраться до коридора, сажусь на пуф и обхватываю голову руками. Кружится.

— Анжелика Викторовна, может, воды? — бежит за мной по пятам Назокат.

— Нет, сейчас все пройдет, — пытаюсь сфокусироваться на вазе с цветами, стоящей на угловом столике.

Назокат с грустью в глазах качает головой.

— Анжелика Викторовна, пожалуйста, останьтесь. Сейчас Никита приедет с рынка, обещал на ужин такое блюдо приготовить. Оставайтесь, очень прошу!

— Прости, Назокат, — я смотрю в телефон, машина на месте. — Буду поздно.

Я медленно поднимаюсь и выхожу на улицу — после дождя воздух полон озона и дышится гораздо легче, чем в доме.

Сажусь в машину, и водитель трогается с места.

Я выдыхаю.

Сбежала.

Закрываю глаза и наслаждаюсь легкому дуновению ветерка из окна. Меня заставляет вздрогнуть телефонный звонок — Ленка.

— Да, — неохотно отвечаю я.

— Привет. Что напряженная такая? — спрашивает подруга.

— Из дома сбежала.

— Ого. Побег из тюрьмы? — смеется она.

— Не смешно.

— Куда сбежала хоть?

— Надо пообщаться с матерью Гоши. Надеюсь, она дома. У меня не так много времени.

— Бля, ты все-таки едешь к ней? — выдыхает Ленка. — Забей уже на Гошу. Он свалил, записку тебе прощальную написал. Все, не ищи его даже!

— Лен, я как-нибудь без тебя разберусь, — жестко отвечаю я.

— Ладно, — Ленка сбавляет обороты, — я переживаю просто.

— Мне некогда говорить.

Сбрасываю звонок и снова закрываю глаза. Мне удастся задремать, как вдруг чей-то звонок снова выбивает меня из приятного медитативного состояния.

Мирон!

Нет, нет, нет. Только не сейчас!

Не буду отвечать. Пусть идет к черту!

Водитель останавливает машину, и я быстро выхожу.

Вижу рядом с подъездом кондитерский магазин, захожу за чем-нибудь сладеньким к чаю. Не иди же с пустыми руками.

Аккуратно поднимаюсь по ступеням и рассматриваю ассортимент — взгляд падает на банки-приколы с разными видами жевательных конфеток... И тут меня осенило.

Выбираю более-менее похожий цвет на проклятые капсулы, которые я смыла в унитаз, и покупаю вместе с тортом.

Поднимаюсь на пятый этаж и стучу в дверь. Неуверенно, робко. Жду. Тишина. Уже собираюсь уходить, как дверь со скрипом открывается.

Передо мной предстает женщина. Татьяна Петровна, мать Гоши. Серое, землистое лицо испещрено морщинами, под глазами — багровые мешки. Растрепанные, тусклые волосы выбиваются из небрежного пучка. Но больше всего меня поражает взгляд. Пустой, безжизненный, словно смотрящий сквозь меня. Стараюсь лишний раз не сталкиваться с ней взглядом. Она одета в застиранный халат, из-под которого виднеется грязная ночная рубашка. От нее разит дешевым табаком и кислым запахом перегара.

— Что надо? — спрашивает она хриплым голосом.

— Здравствуйте, Татьяна Петровна. Я Анжелика, я... знакомая Гоши, — стараюсь говорить мягко.

Ее взгляд становится более осмысленным.

— Георгия? — переспрашивает она, прищуриваясь. — Что ему от меня надо? Опять денег прислал, чтобы я сдохла поскорее?

— Нет, — отвечаю я, стараясь не показывать своего отвращения. — Я пришла к вам. Мне нужно узнать, где сейчас Гоша.

Она усмехается.

— А я откуда знаю? — говорит она, отворачиваясь. — У него своя жизнь, у меня — своя.

— Пожалуйста, Татьяна Петровна, — умоляю я. — Это очень важно. Я должна его найти. Я показываю ей торт — она раздраженно закатывает глаза, но пропускает меня в квартиру.

Запах алкоголя и старого белья бьет в нос.

Квартира выглядит так, будто здесь давно перестали жить — только существовать.

Она смотрит на меня долгим, оценивающим взглядом.

— Что тебе от него надо? — спрашивает она наконец. — Хочешь сломать ему жизнь второй раз? — она открывает окно и закуривает.

— Нет, — виновато отвечаю я. — Я хочу увидеть его.

Она хмыкает, снова переводит взгляд во двор дома.

— Садись, — говорит она, указывая на покосившийся стул.

Сажусь. Стараюсь не дышать глубоко.

— И что ты хочешь от меня услышать? — спрашивает она. — Где Георгий?

— Где конкретно? — настаиваю я. — У вас нет его нового номера телефона, адреса?

Она отрицательно качает головой, заставляя мое сердце замереть от негодования.

— Он недавно приходил за документами. Стыдится, наверное, такой матери, — говорит она, с горечью усмехаясь.

— Наверное, у него просто свои причины, — вежливо отвечаю я.

Она смотрит на меня с сомнением.

— Причины? — переспрашивает она. — У него всегда одни причины — деньги. И власть. Он всегда этого хотел. Всегда стремился быть лучше во всем. Чтобы тебе, между прочим, нравиться, Анжелика Курагина.

— Это неправда, — возражаю я. — Он сам по себе добрый, чуткий, умный.

Она смеется.

— Да ты его совсем не знаешь, — прерывает она, продолжая смеяться.

Я кладу деньги на стол. Понимаю, что это глупо. Она может просто забрать их и выставить меня за дверь. Но другого рычага у меня нет.

Она вздыхает.

— Ладно, — говорит она, улыбаясь. — Попробую вспомнить. Он говорил что-то про... переезд. В другую страну собрался.

— Вы уверены?! — спрашиваю, в изумлении глядя на нее. — Другую страну? Но зачем, куда?!

— Уверена, я же не спятила, — отвечает она. — Он точно говорил про Китай.

Я чувствую, как холод проходит по позвоночнику.

Похоже, больше она не скажет. Я ничего толкового не узнала.

Она пожимает плечами и бережно собирает со стола купюры.

— Могу я отнести ему в комнату вот это? — я достаю из пакета картину. — Хотела сделать подарок, вдруг он когда-нибудь вернется сюда.

— Его комната направо по коридору, — равнодушно отвечает она и снова закуривает.

Я прохожу в его комнату. Она совсем не тронута. Слегка пыльная, но вещи разложены по своим местам, выглядят вполне аккуратно. Я оставляю картину возле его кровати и уже собираюсь уходить, но мое внимание привлекает фотография на столе: сборная по дзюдо после соревнований. Гоша стоит рядом со своим лучшим другом — Кириллом Жуковым.

Кирилл...

Тот самый тихий и спокойный Кирилл, который не понравился Ленке! Она отшила его после второго свидания.

Как мне в голову не пришло! Я ищу совсем не там. Гоша никогда не был близок с матерью. Когда мы с ним встречались, он вообще о ней не рассказывал.

Сажусь на кровать, чтобы перевести дух от внезапной мысли.

Немного прихожу в себя, прощаюсь с Татьяной Петровной и выхожу из дома. На улице дышится легче, но легче не становится. Кажется, вот-вот я просто упаду в обморок от переполняющих меня чувств и мыслей.

Гоша бросил университет, чтобы уехать за границу. Зачем ему это?!

Я иду по тротуару, стараясь собрать все кусочки паззла воедино.

— Как прогулка? Голова не кружится?

Мои размышления прерывает Мирон.

Нехотя перевожу на него взгляд, сдерживаюсь, чтобы не послать к черту это исчадие ада. Но, голова болит и немного кружится, сейчас он даже вовремя.

Как только оказываюсь дома — иду в свою комнату и пересыпаю конфеты в пустой пузырек из-под капсул.

Идеальное преступление.

Невероятно довольная собой, я даже ощущаю себя лучше.

Торопливо набираю Ленке. Гудки... не отвечает.

Ладно, пишу ей в мессенджер, намеренно иронизируя: «Дай номер Кирилла Жукова, с которым ты целых два раза была на свидании».

«Зачем тебе?», — следует ответ почти мгновенно.

«Хочу задать ему пару вопросов», — интригую я.

Почти мгновенно Ленка звонит мне.

— А серьезно, зачем? — спрашивает она.

— Он же близкий друг Гоши.

— И что?

— Не тупи, Лен. Кто-то должен знать, в городе Гоша или уже нет?!

— Ладно, сейчас напишу.

Я сразу отправляю сообщение Кириллу: «Привет, это Анжелика Курагина. Мне нужно узнать, где Гоша.»

Глава 8. Анжелика. Переговоры

Настоящее.

— Чем занимаетесь, Андрей Игоревич? — равнодушно интересуюсь я, открывая дверь в кабинет отца Мирона. Он сосредоточенно изучает документы.

— Читаю заключение аналитиков, — неохотно отвечает он, абсолютно не скрывая, что я не вовремя.

— Вы же знаете, что, если примите условия «Фортезза Групп», то вам придется сократить часть персонала, занимающегося логистикой? — просто так говорю я, подсовывая ему на подпись несколько бумажек.

Он вовсе не отвлекается на них.

— Твой глупый вопрос лишний раз доказывает, Анжелика, что ты не на своем месте, — он переводит на меня уставший взгляд и потирает глаза. — Ты знаешь, как мне не хватает советов твоего отца?

— Также, как мне не хватает самого отца. Подпишите и я уйду.

— Анжелика, Анжелика... — он берет ручку и внимательно смотрит на меня. — Мне не придется увольнять всех этих людей. Если я делегирую задачи, связанные с логистикой кому-то другому, а, поверь, это та еще головная боль, то смогу сфокусироваться на освоении европейского рынка, представители которого тоже не против иметь производство в Китае.

— Вы правы, я лучше поеду в галерею. Мне интереснее проводить экскурсии с иностранцами, чем вникать в это.

— Стой. Вот это будет, как нельзя кстати.

— У вас в штате есть хорошие переводчики.

— Они – лучшие. Но это не значит, что ты будешь отлынивать. Как раз через, — он переводит взгляд на дорогие часы, — полчаса приезжает представитель «Фортеззы» и несколько китайцев.

— Я не знаю китайский. Извините, — я отчаянно пытаюсь съехать с темы.

— Они владеют английским, не беспокойся.

— Простите, но у меня практика, — я хватаю подписанные им бумажки и разворачиваюсь.

— Анжелика Романова, — строго и хрипло произносит он, — будьте так любезны задержаться.

— Хорошо, Андрей Игоревич, — натянуто улыбаюсь я и выхожу из его кабинета.

Вот черт!

В следующий раз оставлю все секретарю.

Маюсь ничегонеделанием пятнадцать минут, потом решаю занять место поближе к окну, чтобы было, на что отвлечься от скучных разговоров. Обсуждения и переговоры могут длиться очень долго. За что он так надо мной издевается?! Понятно, в кого Мирон такой упрямый, да еще и с манией величия.

Открываю дверь и захожу в переговорную, внезапно для себя замираю на месте — там уже ожидает Гоша.

— Что ты здесь делаешь один? — не слишком дружелюбно интересуюсь я.

— Так ты теперь говоришь «привет»? — улыбается он.

— Я не говорю привет. Я спрашиваю: что ты здесь делаешь? — повторяю я.

— Переговоры, — вполне спокойно отвечает он. — Андрей Игоревич назначил время, я просто чрезмерно пунктуален, поэтому пришел немного раньше.

Он показывает на бейдж, который висит на ленте, затем подходит ко мне и продолжает добродетельно улыбаться.

— Меня пропустила охрана, я не миновал этих суровых ребят на входе, если тебе интересно.

— Абсолютно неинтересно. Меня вообще не должно здесь быть, — отмахиваюсь я и делаю глубокий вдох, пытаюсь сохранить хладнокровие. Но, как мне кажется, непреднамеренно получается слишком сексуально.

— Не хочешь встретиться после совещания в немного неформальной обстановке?

— Иди к черту, — равнодушно отвечаю я и посылаю его взглядом куда подальше. — Ты и твоя заискивающая улыбка. Мне уже не девятнадцать лет, чтобы вестись на это.

Я разворачиваюсь и собираюсь выйти из комнаты.

Андрей Игоревич обойдется как-нибудь без меня. Терпеть Гошу на протяжении нескольких часов невыносимо.

Внезапно Гоша резко хватается меня за руку, используя один из своих приемов дзюдо, разворачивает спиной к себе и вот я уже прижимаюсь животом к поверхности стола, не успевая даже ахнуть.

Я отлично знаю этот прием. При желании могла бы дернуться и освободить руку. Он сам показывал, и знает об этом.

Проверяет?

Но почему-то я не делаю этого.

— Зачем так грубо? Я думал, мы — друзья. Или этот ублюдок, Мирон, должно быть, приучил тебя к подобному обращению и иначе ты уже не умеешь? Где он теперь, Анжелика?

— Не произноси его имя! — кричу я, собрав все силы, ощущаю, как воздуха не хватает от злости, обиды, негодования!

— Хорошо, не буду.

Он прижимается к моим ягодицам, и я ощущаю его эрекцию.

— Мне нужно было проверить одну вещь.

— Какую? — спрашиваю, а сама боюсь услышать ответ.

— Что ты всё ещё реагируешь на меня.

Самое паршивое во всем этом то, что тело уже давно реагирует на его действия приятными волнами, которые безжалостно концентрируются внизу живота...

— Гоша, пожалуйста... — шепчу я, забывая о сопротивлении, а мои колени слабеют в туфлях на высоких каблуках.

Но его рука лишь опускается со спины ниже, расстегивая молнию на моей юбке. Он проводит пальцами по коже, вызывая внезапную дрожь по всему телу.

Я в предвкушении замираю, мне так отчаянно хочется почувствовать его обжигающие ладони на своих бедрах. Ненавижу себя за то, что, кажется, я не против подобного... И меня выдает моя дрожь, мое напряжение, моя горячая жаждущая ласки кожа.

— Пожалуйста...

— Ты покажешь мне, как умеешь подчиняться? — таким же невозмутимым тоном продолжает он, взрывая мой мозг. — Давай так. Ответь. Ты принимаешь мое уважительное отношение или будешь подстрекать меня и дальше?

— Принимаю... — выдыхаю я, облизывая в предвкушении губы, стараясь проглотить неуместные сейчас звуки и тихие стоны.

Он отпускает меня.

Я тут же вливаюсь в него рассерженным шокированным взглядом, стараюсь показать ему свое негодование и злость, лишь бы он не заметил, что я почти готова закрыться с ним в одном из кабинетов ради удовлетворения своего желания.

Мгновение мы стоим, изучая друг друга. Он стал другим, отстраненным, расчетливым, даже опасным. И это, черт возьми, меня возбуждает. Очень сильно...

Гоша быстро приближается и глубоко целует меня, прикусывает нижнюю губу, требуя большего. Я в предвкушении эйфории отвечаю на поцелуй, сажусь на стол, развожу шире бедра. На секунду смотрю на дверь.

Забываю обо всем на свете. Вцепившись в его плечи, я чувствую, как под тканью брюк растет нечто твердое и такое желанное мной, и придвигаюсь еще ближе. Навязчивая мысль, что я окажусь с Гошей в более уединенной обстановке, где никто не сможет нам помешать, не отпускает.

Мне невыносимо жарко, я дергаю верхние пуговицы на блузке, обнажая верхнюю часть бюстгалтера, подставляю шею под его поцелуи.

Гоша жадно и крепко сжимает мою грудь. Он тихо ругается сквозь зубы и отстраняется. В его взгляде появляется тот самый опасный блеск.

— Не здесь, — говорит он, его голос уже ровный. Как так он держит себя в руках?! — У нас же дела.

Он медленно отпускает меня из объятий. Я тяжело дышу, сидя на этом огромном столе. Внизу живота тянет горячим напряжением. Мозг занимает лишь одна мысль...

Едва я успеваю застегнуть юбку, как открывается дверь и в переговорную заходят представители нашей компании во главе с Андреем Игоревичем и иностранные специалисты из «Фортеззы». Отворачиваюсь, чтобы скрыть свои пунцовые щеки.

Андрей Игоревич, холеный и самоуверенный, иногда расплывается в фальшивой улыбке, кивая китайским партнерам.

Переговоры начинаются с дежурных фраз о взаимовыгодном сотрудничестве и процветании. Андрей Игоревич явно давит на то, что логистика у нас отлажена путем двадцатилетнего опыта и не доверяет относительно «молодой» компании. Китайцы, сдержанные и немногословные, внимательно слушают, сверяя каждую его фразу с какими-то своими записями.

Потом в игру вступает еще один представитель «Фортеззы» — сухощавый мужчина с холодными глазами. Он говорит четко и по делу, оперируя цифрами и фактами. Он как будто специально противопоставляет себя сладкоречию Андрея Игоревича. В его голосе чувствуется сила и уверенность, которые невольно вызывают уважение.

Гоша сидит напротив меня, за столом китайской делегации. Его наглый и изучающий взгляд постоянно возвращается ко мне. Он не говорит ни слова, просто смотрит. Сначала это вызывает раздражение, потом — невольную дрожь. Он играет со мной, знает, что я не могу убежать отсюда и вынуждена находиться на всеобщем обозрении. Многие в компании Андрея Игоревича считают, что я не на своем месте, ведь я — богатая наследница, пустышка без мозгов, которая просто получает большую зарплату, не внося свой вклад в развитие бизнеса. Они все меня раздражают, поэтому я бы не хотела здесь часто появляться. Знаю, что мои кости столько раз перемывали, что они уже блестят, как алмазы на свету.

Андрей Игоревич произносит тост, поднимая бокал шампанского. В его глазах — лихорадочный блеск. Он явно нервничает. Чувствую, как его рука слегка дрожит, когда он подносит бокал к губам.

Совещание длится, как назло, очень долго. Мне наскучило переводить им одну и ту же муть, так еще и под контролем одного из наших штатных переводчиков, который то и дело вносит свои корректировки в мой перевод, вынуждая краснеть. Я ловлю во время разговора взгляд Гоши на своем лице и от этого еще больше смущаюсь! Господи, выпустите меня отсюда... Стороны никак не могут договориться об условиях контракта. Китайцы гнут свою линию, но Андрей Игоревич собаку съел на заключении сделок, поэтому тоже не уступает.

Какая же я дура, чуть не отдавать Гоше на этом столе. Что он теперь обо мне подумает? Господи, почему ты не дал мне чуть больше мозгов?

Во время перерыва я стремительно выхожу в коридор. Гоша подходит ко мне.

— Скучаешь? — спрашивает он тихо, так, чтобы слышала только я.

— Оставь меня в покое, — отвечаю, стараясь держаться от него подальше.

— Не могу, — шепчет он, наклоняясь ко мне ближе. — Ты слишком красива, чтобы оставаться в покое.

Он протягивает мне крошечный белый цветок — жасмин. Его дурманящий и сладкий аромат мне нравится.

— Так что у нас по плану после совещания? — спрашивает он.

— Поехать домой и отдохнуть.

Возвращаюсь в конференц-зал. Переговоры возобновляются. Китайцы задают каверзные вопросы, требуя конкретных ответов. Андрей Игоревич начинает терять терпение. Он отвечает уклончиво, стараясь избежать этих прямых ответов. Его аналитики ему поддакивают, выискивая несоответствия в данных, предоставленных китайцами.

Чувствую, как нарастает напряжение.

В итоге совещание переносят на послезавтра.

Ну и отлично, я сделаю все, чтобы на нем не присутствовать.

Принимаю таблетку от головы, которая просто раскалывается от количества информации, и спускаюсь на лифте на первый этаж.

— Доброй ночи, Анжелика! — прощается один из охранников, Саша.

— И тебе.

Быстро стучу каблуками и выхожу из здания, направляясь к своей машине.

И... какого хрена?!

Где моя машина?!

Стою, как полная идиотка и пялюсь на пустое место. Принимаюсь нервно искать в сумочке телефон — да где он, когда так нужен?!

— Какие-то проблемы?

Знакомый голос, вызывающий мурашки. Гоша. Выглядывает из своего «Мерседеса».

— Все отлично, — вру я. — Просто класс.

— Да? — не верит он.

— Я просто видел, как отсюда эвакуировали машину днем. "Бэха". Твоя? Я не знал, что это твоя.

Не тороплюсь отвечать, унизительно, конечно. Пытаюсь разглядеть хоть один запрещающий знак — не вижу. Надо было оставить машину на парковке, которая выделена для нашей компании. Ленилась пару десятков метров проехать.

— Моя.

— Давай подвезу тебя, а завтра вытащим твою тачку.

Зараза.

Великолепно. Машины нет, телефона нет, а мозги я, похоже, оставила в переговорной.

— Хорошо, — тихо отвечаю, опустив взгляд и прыгаю на сиденье рядом с ним.

Мы молча едем, я скидываю туфли с ненавистными каблуками и, закрывая глаза, делаю глубокий вдох.

— Тяжелый день, согласен, — произносит Гоша.

Когда я открываю глаза — не понимаю, куда мы едем. Озадаченно смотрю на него.

— Что происходит?

— Я же сказал, что подвезу тебя.

— Да, но я даже близко не здесь живу. Ты же знаешь, где я живу! — нервничаю я.

— Я обещал, что подвезу тебя и я везу. К себе.

От подобной наглости я заливаюсь краской. Надо пройти курсы управления гневом.

— Но я не хочу к тебе!

— Пока ты отдыхала, я пробил, на какую стоянку отвезли твою машину. Если завтра забирать ее от меня — будет гораздо быстрее.

— Ладно, — соглашаюсь я, чувствуя подвох пятой точкой.

Но, никакого секса, никакого секса. Слышишь, Анжелика? Ты, между прочим, забыть его пытаешься — вторит надоедает внутренний голос. Я имею полное право на него злиться и вычеркнуть его из своей жизни, также, как поступил он. Ничего у нас не получится, я уверена, даже пытаться не хочу.

Мы поднимаемся на девятый этаж уютного многоквартирного дома. Гоша пропускает меня внутрь. Мило. Сплошь и рядом одни пастельные тона. Такое может нравиться либо незамысловатым особам, либо полным психам.

— Твоя квартира?

— Да. Я приобрел ее около года назад. Подумал, что неплохо будет где-то остановиться, когда буду приезжать в Москву. Съемные я не люблю, в них нет души.

— А как же квартира матери?

Гоша замирает и отводит взгляд.

— Какой матери? У меня ее нет.

Я не рискую развивать тему, просто прохожу в комнату-студию и замираю, будто привидение увидела — на стене в красивой рамке висит нарисованная мной картина.

Визуалы.

Немножечко артов :)

Глава 9. Мирон. Интересный вариант

Прошлое. Четыре года назад.

— Да, — зло рявкаю в телефон.

— Мирон, я в клубе отдыхаю и, представляешь, кого я тут вижу?! — раздается радостный голос Сени.

— Теряюсь в догадках... - устало потираю глаза, подозревая, что Сеня встретил одну из своих подружек, а теперь хочет поделиться подробностями, как трахнул ее в кабинке туалета.

— Я нашел ублюдка, Горбушева Димона. Он в нескольких метрах от меня пьет с девкой... — сообщает Сеня.

— Говори, — напрягаюсь я.

— Клуб «Небо в кружке». Он еще здесь, и я тоже.

— Уже мчусь. Глаз с него не спускай!

— Я это и делаю, - Сеня довольно ухмыляется и завершает вызов.

Прыгаю в тачку и лечу, что есть сил, практически выжимая все, что может дать эта грациозная кроха. Ночь — время для маневра.

Басы кувалдой бьют по перепонкам. Клуб дышит похотью и алкоголем — мой любимый коктейль. Сеня, как всегда, знает, где искать приключения. Только вот его самого здесь не видно. Куда он свалил? Набираю номер — не отвечает. Сука.

Продираюсь сквозь толпу, оглядываясь по сторонам. Сглатываю в предвкушении разбо-рок. Световые эффекты режут глаза, лица мелькают в полумраке, сливаясь в единую массу. Нет никого знакомого. Черт бы побрал Сеню!

Я обошел все, что мог, лицо врага я помню наизусть, но его здесь нет. Твою мать!

Психую, выхожу из клуба, чтобы закурить.

— Курят у нас там! — пытается доебаться до меня охранник.

— Отъебись, — кидаю ему и достаю зажигалку.

— Нет, ты не понял?!

Ко мне подходят его крупные друзья. Не люблю чувствовать себя в меньшинстве, скверное ощущение, если быть честным.

— Вы пообщаться хотите? — зажимаю сигарету губами и серьезно смотрю на них.

— Вали отсюда, придурок, — отвечает он и выдергивает сигарету из моего рта.

Ну, ты получишь свое за непозволительную дерзость.

Я уже сжимаю кулаки и готов ответить. Больно ответить.

— Мужики, все в порядке! Это мой друг, — появляется рядом Сеня. Вид у него побитый и он, кажется, хромает.

— Твой друг много о себе возомнил.

— Нет, он правда въебал бы тебе, Антоха, — смеется Сеня, но Антоха продолжает сосредоточенно меня разглядывать. — Так, парни, это Мирон Романов, может слышали?

Охранники расслабляются, видимо, Сеня их знает, раз впрягается так нагло.

— Романов? — спрашивает один из них.

— Именно. Мы тут по-тихому отдохнем, обещаю, что проблем не будет.

— Если по-тихому, то хорошо. Но курят у нас — там, — охранник показывает мне место. Мне?!

Я зол настолько, что готов положить здесь всех, и по херу, что со мной потом сделают.

Сеня вталкивает меня обратно в клуб, прекрасно осознавая, чем это может обернуться.

— Он ушел, тварь. Больно так зарядил мне в ухо, я вырубился, — рычит Сеня, потирая висок.

Я ожидал подобного исхода.

— Теперь он знает, что его ищут. И благодаря тебе, знает, кто именно ищет. Черт! — ору я, перекивая музыку. — Ладно, придумаю что-нибудь.

— Раз мы тут, я хочу выпить. Мирон, сдохну, бля, надо выпить. Кстати, с Толяном трындел, он гоняет нелегалов. Они пашут сутки напролет. Груз вовремя передан, — он улыбается. — Не о чем париться. Сегодня у них зарплата. Толян будет до ночи деньги выдавать за их труд. С утра он такие сумки с наличкой вывозил от Никоса, ахуеть.

— Он мне отчитался, — удовлетворенно киваю в ответ.

Мы подходим к бару и опрокидываем по паре шотов.

У второго бара замечаю знакомую фигуру. Как ее имя... не вспомнить. Одна из подруги-идиоток Анжи.

Таня, Катя, Аня, Кариша... Нет, Каришу я помню. Точно! Лена. Не то чтобы мы были друзьями, но... однажды вечером обстоятельства сложились так, что мы вместе провели время. Ничего серьезного, просто способ развеять скуку. Судя по всему, тогда мне было особенно тоскливо, раз я взял ее.

Лена никогда не отличалась яркой внешностью. Обычная брюнетка, ничем не примечательная. Но ее болтливость и способность говорить невпопад порой забавляют. Сейчас она сидит на высоком стуле, потягивая коктейль, и о чем-то оживленно болтает с барменом.

Подхожу к ней, облакачиваюсь на стойку рядом.

— Привет, — говорю я, слегка наклоняясь к ней. — Что делаешь здесь одна?

Она вздрагивает от неожиданности, поворачивается ко мне. В ее глазах — удивление, ужас и... интерес. Она просто не знает, что сказать. И это так меня забавляет.

— Мирон?! — удивляется она. — Какими судьбами?

— Искал одного человека, но пока безрезультатно, — отвечаю, загадочно улыбаясь. — Решил скоротать вечер в приятной компании.

Она краснеет, отводит взгляд, поправляя подол короткого платья.

— А... ну да, конечно, — говорит она, запинаясь. — А я тут... просто отдыхаю.

— Просто отдыхаешь? — переспрашиваю я, приподнимая бровь. — А мне показалось, ты о чем-то оживленно беседуешь с барменом.

— Да так... — отмахивается она. — Просто спросила, какой коктейль самый вкусный.

— И что, узнала? — интересуюсь я.

— Вроде бы, да, — отвечает она.

— Дружище, — говорю я, подзывая бармена, — приготовь прекрасной девушке самый вкусный коктейль.

Пока бармен колдует над напитком, я продолжаю разговор с Леной.

— Давненько не виделись, — говорю я. — Как дела у тебя?

— Все хорошо, — отвечает она, украдкой поглядывая то на мои губы, то в глаза. — Экзамены сдаю, почти со всеми справилась, один, правда, купила, но мы скидывались все, а вот по французскому — завалила. Дурацкий язык.

— Не скажи, — сокращаю немного дистанцию, — надо просто знать, как работать с языком.

Моя двусмысленная фраза для глупых дурочек заставляет ее улыбнуться и снова отвести взгляд. А вот Анжелика засадила бы мне между глаз, хотя вряд ли у нее получилось бы это сделать — я ведь ловкий.

— Да, наверное, — отвечает смущенно.

— Ваш коктейль. Самый вкусный, — улыбается бармен и я расплачиваюсь картой.

— Вкусно, — улыбается она, присасываясь к трубочке.

— Правда? — играю в удивление я. — Я попробую?

Я делаю глоток из ее трубочки. Сладость дичайшая. Лена просто в ахере от такого внимания с моей стороны. Пора завязывать и приступать к делу.

— Ну? — смотрит на меня с восторгом.

— Я, признаться, предпочитаю что-то позабористее, — говорю я и довольно постреливаю в нее глазами.

Она болтает обо всем сразу — экзамены, преподаватели, какие-то глупые сплетни. Никаких секретов, никаких утаек, будто мы с ней лучшие друзья. Сначала это раздражает, но потом я начинаю получать удовольствие от ее болтовни.

— А знаешь, — вдруг говорит трещотка, — Анжелика в последнее время какая-то странная.

— Странная? В каком смысле? — спрашиваю я, стараясь не выдать своего интереса.

— Ну... она какая-то задумчивая стала, — отвечает она. — Все время о чем-то думает. Иногда даже говорит о тебе.

— Обо мне? — переспрашиваю я, искренне удивляясь.

— Да, — подтверждает Лена. — Говорит, что ты ее спасаешь. А потом говорит, что ты ее мучаешь. Ничего не пойму. Она совсем не знает, что ей нужно.

— Сложные отношения, — говорю я, усмехаясь.

— Похоже, что очень сложные, — соглашается Лена. — Я ей говорю, что ты не такой и плохой, что у тебя, наверняка, есть... сердце. Но она не слушает. Говорит, что ненавидит тебя, но все равно трахается с тобой. Как же так можно? Раз не любишь — отпусти...

— И что ты ей отвечаешь? — интересуюсь я.

— Говорю, что она дура, — смеется Лена. — Но она все равно не слушает. Себе на уме. Эта идиотка допивает еще один коктейль и заметно пьянеет.

— Потанцуем? — предлагаю я.

— Давай, — робко соглашается она, поднимаясь со стула.

Идем на танцпол, начинаем танцевать. Лена скромничает, но я прижимаю ее слишком близко и ухмыляюсь ее реакции. Она замирает и боится двигаться. Чувствую ее робкое дыхание на своей шее. Она пахнет сладким коктейлем.

Танцуем недолго, пока я оцениваю степень ее опьянения. В самый раз.

Лена обнимает меня, целует в щеку, расслабляется. Конечно, я распускаю руки. Она — легкая добыча. И она мне очень нужна сейчас... Такой подарок судьбы нельзя упустить.

Выхожу с Леной из клуба. На улице свежо.

— Куда теперь? — спрашивает она, глядя на меня томным взглядом.

— Есть одно место, — отвечаю я, притягивая ее к себе, чтобы дурочка не свалилась на своих каблуках.

Веду к машине, сажаю на пассажирское сиденье. Едем в отель.

Расплачиваюсь за одну ночь, не забываю про чаевые. Я всегда плачу достаточно, чтобы здесь умели молчать.

Быстро веду Лену в номер. Она осматривается по сторонам, восхищаясь интерьером.

— Тут так красиво, — говорит она. — Как в кино.

— Обычный номер для необычных утех, — равнодушно отвечаю, наливая ей вино из мини-бара.

Лена неловко хихикает, полагая, что скоро станет причастна к этим самым утехам.

С каждым глотком она становится все более откровенной. Рассказывает о своих мечтах, о своих страхах, о своих отношениях с Анжеликой. Всякая неинтересная бестолковая херня.

Я затыкаю ее рот ладонью. Она замирает от неожиданности, когда я уверенно надвигаюсь на нее. Интересно, она думала, что я просто так ее поил...

— Я не могу, Анжелика — моя подруга, — начинает мямлить Лена. — Она твоя жена, Мирон.

Ничего не отвечаю, начинаю ее раздевать — стягиваю легкую кофту, пробегаюсь пальцами по бледной коже... Она все еще делает вид, что сопротивляется и давит на мораль. Надоела.

Толкаю свою общительную подругу на кровать и задираю платье, резко стягиваю нижнее белье. Лена такая пьяная, что пребывает в полном недоумении. Так даже лучше. Начинаю ласкать ее живот языком, медленно поднимаясь к груди.

— Раздвинь ноги шире.

Она подчиняется, и я удобно устраиваюсь между ее ног.

Рву сверху платье — она вздрагивает и еще больше шокируется. Я зажимаю пальцами ее твердые соски, играю с ними. Смешно. У меня на нее даже не напрягается, но это и не нужно.

— Да, Мирон, я так хочу, — выдыхает она, когда я целую ее сладкие от вина губы. — Всегда хотела только тебя. Почему ты не со мной, а с ней? Мне так тяжело. Невыносимо.

Кладу руку ей шею, сжимаю пальцами сонную артерию. Несколько секунд — и ее глаза закатываются.

Такое счастье на лице увидишь не каждый раз.

Иду курить на балкон.

Утром просыпаюсь первым. Лена еще спит. Смотрю на нее. Такая простая, такая наивная. И такая полезная. Стоит лишь надавить...

Аккуратно встаю с кровати, одеваюсь. Подхожу к окну, закуриваю сигарету. Нужно довести дело до конца.

Возвращаюсь к кровати, пытаюсь разбудить эту пустышку.

— Доброе утро, — говорю я, улыбаясь.

— Доброе, — отвечает она, сонно потягиваясь.

— Слушай, — говорю я. — Мне пора, но у меня к тебе небольшая просьба.

— Какая? — спрашивает она, настороженно глядя на меня и прикрываясь одеялом.

На ее лице полное непонимание и растерянность, кажется, она совсем ни хера не помнит.

— Я должен признаться. Я очень беспокоюсь за Анжелику, — начинаю я. — Она еще себя плохо чувствует после аварии, постоянно о чем-то думает, молчит. Я, безусловно, знаю, что надо делать с девчонками, но я не слишком силен в вашей психологии...

— И что ты хочешь от меня? — спрашивает она.

— Хочу, чтобы ты мне помогла, — отвечаю я и коварно улыбаюсь, ожидая от нее полную покорность. — Ты же ее подруга. Ты знаешь ее лучше, чем кто-либо другой. Просто расскажи мне, о чем она думает, что у нее на уме, Лена? Какие у нее планы? Хочу, чтобы ты мне подсказывала. Направляла, понимаешь?

Переборщил. Похоже, не доверяет мне.

Лена смотрит на меня долгим, изучающим взглядом.

— И зачем тебе это? Мысли другого человека недоступны. Это неправильно... — недоверчиво мямлит она.

— Просто я хочу ей помочь. Хочу, чтобы она была счастлива. Я же не чужой человек для Анжи.

Лена молчит и вздыхает.

— Я ничего не знаю.

По-хорошему не удалось. Придется иначе.

Хватаю ее за плечо и одним резким движением поднимаю с кровати.

— Ай, Мирон, что ты творишь?! — она округляет испуганные глаза.

— Слушай, я правда пытался договориться с тобой, — по привычке ухмыляюсь, разглядывая ее расширенные от испуга зрачки.

Она напряжена. Это мне нравится.

— Сдавать планы Анжелики? Ты с ума сошел?! Она моя подруга.

— Подруга? — приближаюсь почти вплотную к ее губам. — Ты переспала с ее мужем сегодня ночью. Ты так кончала, Лен, что соседи два раза заходили. Конечно, ты напилась и ни хера не помнишь... Я тебя спрашиваю: ты все еще считаешь себя ее подругой?!

Лена всхлипывает, слезы текут из глаз, как маленькие бисеринки.

— Но я люблю тебя, Мирон, — она всматривается в мои глаза, пытаюсь найти понимание, но мимо. — Я не могла упустить такую возможность. Видеть тебя с Анжеликой слишком больно. Я правда пыталась забыть, но все бесполезно... Я плохая подруга, я всегда ей завидовала.

— Да. Ты права. И важно — ты сама это признала. А теперь слушай меня, — я подвигаюсь вплотную к ее уху, продолжая крепко сжимать плечо. — Все, что тебе говорит Анжелика, должен немедленно знать я. Особенно — абсурдные планы, которые могут подвергнуть ее опасности. Если, ты, сучка мелкая, меня сдашь — ты исчезнешь.

Лена слушает, закрыв глаза, я даже начинаю нервничать, вдруг она кончит от моего голоса, а я — останусь неудовлетворенным. Несправедливо...

— В глаза смотри.

— Я поняла, — подчиняется она, внимательно всматриваясь в мои суровые глаза. — Как скажешь, Мирон.

— Спасибо, — отвечаю и целую ее в соленую щеку. — На связи.

Теперь остается только ждать. Люди вроде Лены всегда делают то, что им скажешь. А что творится у моей жены в голове — неизвестно и опасно.

Анжелика не говорит со мной. Она врет врачам, охране, даже сама себе. Но подругам женщины рассказывают все.

— Ах да, — кладу на стол двадцать тысяч: вся наличка, которая завалялась в кармане, — прости за платье, увлекся.

Глава 10. Анжелика. Последняя надежда.

Прошрое. Четыре года назад.

Его мать ничего не знает. Или делает вид, что не знает.

Черт, я так надеялась вытянуть из нее хоть что-то!

Расхаживаю по своей комнате и пытаюсь переварить информацию.

Нервно поглядываю на телефон. Кирилл не отвечает уже два дня. Сомневаюсь, что вообще получу какой-то ответ. Да почему он такой странный?!

Нервно хватаю телефон и кидаю в сумку. Подхожу к двери и... ну, конечно. Тяжело вздыхаю.

Мирон стоит в дверях с букетом белых роз. Смотрю и качаю головой, прикусив от злости губу. Как будто он специально появляется, когда мне нужно исчезнуть.

— Цветы?

— Цветы, — подтверждает он и небрежно сует мне в руки отборные белые розы, скользя хищным взглядом по моему телу, — должен же я хоть иногда дарить жене цветы.

— Я хотела смотаться в универ. Надо договориться о сдаче экзаменов, — вру и отвожу взгляд.

Мирон хмурится и проходит в комнату, присаживаясь в кресло. Он с подозрением смотрит на меня, закинув ногу на ногу.

— Нечего там делать. Я вообще поговорить хотел.

— О чем? — я кладу прекрасные цветы на кровать. — Честно скажу — у меня нет времени. Потому что намеки ты не понимаешь...

— Что у тебя за секреты, детка? Поверь, чем дольше ты тянешь, тем меньше мне будет тебя жаль. И тем жестче будет разговор.

— Не понимаю, о чем ты, — я с вызовом смотрю в его глаза и не моргаю.

Мирон ухмыляется и отводит взгляд, ему, похоже нравится наша беседа. Он Он не скрывает превосходства, будто обошел меня на несколько ходов вперед.

Романов подбирает слова. Вена на шее вздувается от раздражения.

А я хочу, чтобы он уже свалил!

— Я думал лед между нами тронулся, — он переводит на меня свой настороженный взгляд.

Не доверяет.

— Не знаю, что ты там себе придумал, но твои... поступки ничто не способно перекрыть.

— Ах, вот оно как, — абсолютно не удивляется он.

— Да. Если ты закончил, то мне пора.

— Нет, не пора. Ты еще очень слаба, — он лениво встает, — если ты не заметила.

— Со мной все в порядке, спасибо за заботу, дорогой, — я пытаюсь говорить спокойно, но получается язвительно.

Мирон подходит к тумбе и достает пузырек с капсулами. Не задумываясь, вручает его мне.

Я с презрением смотрю на своего мужа.

— Значит, ты хочешь, чтобы я валялась здесь, да? Я от этих таблеток не могу проснуться. Но тебе, похоже, все равно...

— Раз их прописали, значит, тебе это нужно, — он отвечает, понижая от удовольствия голос. — Или мне тебя заставить? Хочешь, я положу лекарство тебе в рот? Нежно...

Я открываю пузырек и кладу в рот «капсулу», Мирон заботливо наливает воду из графина и протягивает мне стакан.

Дело сделано. Он не понял ни-че-го.

— Ты такая сексуальная, — шепчет Мирон, и от его слов по коже пробегают мурашки, как не печально это осознавать.

Ладони ложатся мне на талию, крепко обхватывают, словно не собираются отпускать. Он притягивает мои бедра вплотную к себе. Медленно поглаживает меня, и жар расходится по всему телу. Ощущаю его твердый член под тканью брюк и свое неровное дыхание... Тело предательски откликается на его прикосновения.

— Если ты помнишь, врач запретил то, чего тебе так хочется, — нагло смотрю ему в глаза. Слишком нагло. И слишком провокационно.

По его лицу пробегает легкая эмоция раздражения, которая тут же сменяется дьявольской улыбкой. Секса у нас не было давно...

Его дыхание обжигает мои губы. Мирон сохраняет небольшую дистанцию. Я тоже не отстраняюсь.

— Но из каждого правила есть исключение. Тем более это не больше, чем рекомендация...

Я обнимаю его за плечи, замечая, как черные зрачки расширяются от желания обладать мной. Поднимаю голову выше, чтобы дотянуться губами до его уха.

— Придется тебе поработать рукой, дорогой, — шепчу, как можно более сексуально, чтобы сильнее завести Мирона.

Мне нравится чувствовать свою власть над ним, это приносит какое-то садистское наслаждение. Не одному же ему развлекаться...

— Мои руки умеют многое. Они могут ласкать... или причинять боль, — со злым огоньком в глазах протягивает он. — Что тебе больше нравится?

Его губы нетерпеливо находят мои. Поцелуй — дерзкий, властный, требующий. Мирон придерживает мой подбородок пальцами, чтобы пресечь попытки сопротивления. Горячий язык неотвратимо проникает мне в рот, лаская ложбинку моего упрямого языка.

Его прикосновения — словно огонь, сжигающий все мои принципы и убеждения, вырывают из груди стон.

Он отрывается от меня, смотрит в глаза. И этот взгляд правдив.

— Мне лучше прилечь.

Делаю вид, что «таблетка» начинает действовать и ложусь на кровать, отворачиваясь в другую сторону. Надеюсь, что он наконец уйдет.

Мирон медленно садится на край кровати, убирает мне волосы за ухо.

— Если бы не твое сотрясение, — шепчет он, — я бы спуска тебе не давал. И ты была бы не против.

Он нежно целует меня в щеку раз за разом, приближаясь к подбородку.

— Я хотел тебе сказать, что завтра ты переезжаешь в другую комнату — нашу общую, Анжи.

— Прости, не расслышала, что ты сказал. Таблетка, должно быть, действует.

Он довольно ухмыляется и уходит из комнаты.

Я подпрыгиваю на кровати и не могу поверить.

Хотя, чему я удивляюсь?! Он же мой муж.

Пусть на бумаге, но все же.

А я еще я с ним спала и получала удовольствие. Черт, что же я творю... Просто рядом с ним мои гормоны, словно с цепи срываются, и ударяют в мозг.

Зря я так резко вскочила с кровати — голова тут же разболелась.

Подхожу к окну и аккуратно выглядываю во двор — Мирон дает по газам и с ревом уезжает.

У меня же свои планы. Ради приличия выжидаю полчаса и заказываю такси.

Тихо спускаюсь по ступеням вниз, жду пока Назокат отвернется, и тихо пробегаю в коридор.

Еще минута — и я закрываю входную дверь, перехожу на другую сторону дороги, где меня ожидает такси, которое я предусмотрительно заказала к другому дому.

Мне везет — пробок нет и довольно быстро я доезжаю до университета, но бороться с внезапно возникающей тошнотой и головокружением все же приходится.

Повсюду бродят студенты с конспектами и о чем-то перешептываются, замечая меня.

Я начинаю волноваться и от этого снова кружится голова. Подхожу к кулеру и выпиваю стакан воды — уже легче, но все равно приходится сесть на скамейку.

— Курагина? — раздается удивленный голос Артема.

На первом курсе он играл роль Ромео в университетском театре, но у нас с ним не получилось нормальной партии.

Перевожу на него рассеянный взгляд.

— Я в шоке! Ты что тут делаешь? — он садится рядом и с любопытством разглядывает мое бледное лицо.

— Я пришла к ректору, узнать, когда мне можно сдать экзамены.

— Вот ты неугомонная! Тяга к знаниям покоя не дает?

— Совсем не дает. Ты не знаешь, где я могу найти Кирилла Жукова?

— Это такой замкнутый крендель с юрфака?

— По описанию — похож.

— Он сейчас на втором этаже, у них экзамен вроде. Если он еще там, конечно.

— Где именно? — впиваюсь в него сумасшедшим взглядом я.

— Они тусили возле 202 аудитории, но я хз точно. Не уверен.

Я быстро поднимаюсь по лестнице. Двести вторая.

Черт, как у меня кружится голова. Прислоняюсь к стене и закрываю глаза.

Я стараюсь дышать медленно — вроде помогает.

— Анжелика? — зовет тихий голос.

Открываю глаза и вижу его — Кирилла.

— Кирилл! Я писала тебе. Что так тяжело ответить?!

Он, не ожидая такого выпада в свою сторону, отходит и в недоумении смотрит на меня.

Кирилл — высокий худой парень с почти белыми волосами. Он даже симпатичный немного, но все же, похож на какого-то эльфа из томов Толкина... Не понимаю, как взбалмошная Ленка на него повелась. Абсолютно не ее формат.

— Я не хочу с тобой связываться, — также спокойно отвечает он и собирается уходить.

— Нет, подожди! — я хватаю его за руку и продолжаю смотреть безумным требовательным взглядом. — Где Гоша? Я должна знать.

— Я не знаю, — отвечает он.

— Ты же его лучший друг, вы неразлейвода. Ты не можешь не знать! Пожалуйста, скажи мне.

— Я правда не знаю, — он выдергивает руку из моей хватки. — Тебе лучше домой идти. Выглядишь... плохо.

— А кто может знать, кроме тебя?

— Не знаю, — холодно отвечает он и отводит взгляд. — Слушай, у меня экзамен сейчас, я должен вернуться в очередь.

— Кирилл, мне очень надо поговорить с ним, — выдыхаю я и пытаюсь отойти от стены. — Я хочу извиниться. Хочу узнать, может он простит меня.

— Простит? — он смотрит на меня каким-то необычным обвиняющим взглядом. — Ему нелегко сейчас, он восстанавливается, конечно, но там синяки, переломы. Ужасно. Анжелика, иди домой.

— Нет. Я никуда не уйду, пока не узнаю, где он. Если боишься, вызывай скорую прямо сюда.

Глаза Кирилла бессмысленно забегали.

— Вы уже не будете вместе. Странно, что ты ищешь его.

— Мне есть, что сказать Гоше! — я снова хватаю его за рукав пиджака.

— Иди домой. Такси тебе вызвать? — он пытается отстраниться.

— Гоша навещал мать. Она тоже не знает, где он. Говорила какой-то бред про Китай. Что за бред? Говорит, он документы забрал. Он забрал документы из универа?! — я умоляющими глазами смотрю на него.

— Забрал. И мать навещал.

— Он еще в городе? Скажи, пожалуйста. Зачем он хочет уехать за границу?

— Мне неизвестно. Анжелика, ты прости, но мне правда надо вернуться.

Я скатываюсь по стене и закрываю глаза руками, мне больше никто не поможет. Кирилл холоден, как лед. Он его друг, не мой.

Я дура. Гоша не хочет больше знать меня, иначе бы сам нашел. Это так просто, но я отказываюсь в это верить.

Достаю бумажные салфетки и вытираю слезы. Идиотка, пора уже смириться, что я испортила ему жизнь. Так еще и за Мирона вышла замуж. Гоша пришел в себя, узнал последние новости и просто ахренел от того, какая я оказалась двуличная тварь.

Выхожу во двор университета и сажусь на скамейку. Грустно, да еще и тучи сгущаются. Я словно смотрю в пустоту и не вижу никакого выхода. Дома меня ждет страшный монстр. Да и дом это не мой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.